

АРТУР КОНАН
ДОЙЛ

*Записки
о Шерлоке Холмсе*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Артур Конан Дойл

Записки о Шерлоке Холмсе

«Азбука-Аттикус»

1893

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Записки о Шерлоке Холмсе / А. Дойл — «Азбука-Аттикус»,
1893 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-21822-2

Английский врач и писатель сэр Артур Конан Дойл известен всему миру как непревзойденный мастер детективного жанра, автор множества произведений о гениальном сыщике Шерлоке Холмсе и его верном друге докторе Ватсоне. Классические переводы этих рассказов и романов, делавшиеся давно и множеством разных переводчиков, страдают известными недостатками: расхождения, пропуски, откровенные ошибки. Вашему вниманию предлагается в полном составе сборник «Записки о Шерлоке Холмсе» с новыми переводами, выполненными Людмилой Бриловой и Сергеем Сухаревым — мастерами, чьи переводы Кадзуо Исигуро и Рэя Брэдбери, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и Чарльза Паллисера, Томаса Де Квинси, Германа Мелвилла и других давно стали классическими.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21822-2

© Дойл А., 1893
© Азбука-Аттикус, 1893

Содержание

Звездный	6
Желтое лицо	21
Биржевой маклер	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Артур Конан Дойл
Записки о Шерлоке Холмсе
Arthur Conan Doyle
1859–1930

© Л. Ю. Брилова, перевод, 2017

© С. Л. Сухарев (наследники), перевод, 2017

© А. Я. Ломаев, иллюстрация на обложке, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Звездный

– Боюсь, Ватсон, мне придется уехать, – объявил однажды Холмс, когда мы уселись завтракать.

– Уехать? Куда же?

– В Дартмур, Кингз-Пайленд.

Я ничуть не удивился. Гораздо более удивляло меня то, что Холмс до сих пор не включился в расследование сенсационного дела, о котором в стране толковали на каждом углу. Весь день мой сосед, нахмутив брови, с поникшей головой мерил шагами комнату и поминутно набивал трубку крепчайшим черным табаком; моих вопросов и замечаний он словно и не слышал. Пачки свежих газет, присылаемых нам из новостного агентства, он лишь мельком просматривал и швырял в угол. Однако, несмотря на его молчание, мне отлично было известно, чем заняты его мысли. Только одна загадка, волновавшая общество, могла привлечь его аналитический ум: невероятное исчезновение беговой лошади – фаворита предстоящих скачек на кубок Уэссекса и зверское убийство его тренера. Поэтому, когда Холмс внезапно заявил о своем намерении отправиться туда, где разыгралась эта драма, это лишь подтвердило мои надежды и ожидания.

– Если не помешаю, то охотно отправлюсь вместе с вами, – сказал я.

– Дорогой Ватсон, вы окажете мне этим огромную услугу. Полагаю, время попусту не потратите: судя по некоторым данным, дело обещает оказаться единственным в своем роде. Мы, кажется, успеваем сесть на поезд в Паддингтоне, а по дороге я поделюсь с вами подробностями. Вы очень меня обяжете, если захватите с собой ваш превосходный полевой бинокль.

И вот часом-другим позже я очутился в углу вагона первого класса на пути в Эксетер. Сидя напротив меня, Шерлок Холмс, в охотничьей шапке с наушниками, с напряженным вниманием перелистывал кипу газет, купленных им на вокзале. Мы уже давно миновали Рединг, когда он кинул под сиденье последнюю газету и протянул мне портсигар.

– Скорость у нас приличная, – заметил он, взглянув в окно, а потом на часы. – Делаем сейчас пятьдесят три с половиной мили в час.

– Мне что-то не попало на глаза ни одного дорожного столбика.

– Мне тоже. Но расстояние между телеграфными столбами на этой линии составляет шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость проще некуда. Вы, наверное, уже слышаны об убийстве Джона Стрейкера и о пропаже рысака Звездного?

– Сужу по отчетам, опубликованным в «Телеграф» и в «Кроникл».

– Перед нами один из тех случаев, когда умение логически мыслить следует применять скорее к отбору фактов, нежели к поискам новых свидетельств. Случай этот настолько необычный и трагический, так близко затрагивает судьбы многих людей, что мы страдаем от переизбытка догадок, предположений и гипотез. Трудность заключается в том, чтобы отделить достоверную и неоспоримую основу от наслоений, измышленных репортерами и любителями строить теории. Затем наш долг – опираясь на надежный фундамент, нащупать выводы, которые можно извлечь из сопоставления фактов, и установить ключевые обстоятельства этого дела. Во вторник вечером я получил телеграммы и от полковника Росса – владельца лошади, и от инспектора Грегори, расследующего это дело, с просьбой о содействии.

– Во вторник вечером? – воскликнул я. – А сейчас утро четверга. Почему же вы не отправились туда вчера?

– Дорогой Ватсон, это мой промах. Боюсь, что допускаю ошибки куда чаще, чем можно предположить, исходя единственно из ваших обо мне записок. Я и мысли не допускал, что самого знаменитого в Англии рысака сумеют прятать так долго – тем более в столь малонаселенном краю, как север Дартмура. Вчера я с часу на час ожидал известия о том, что лошадь

найдена, а похитителем оказался убийца Джона Стрейкера. Когда же наутро выяснилось, что не произошло ничего, кроме ареста молодого Фицроя Симпсона, я почувствовал: пора действовать. Но, думается мне, вчерашний день не пропал даром.

– У вас сложилась какая-то версия?

– Мне, по крайней мере, удалось напасть в этом деле на самое главное. Перечислю вам наиболее существенные факты: лучший способ докопаться до сути – изложить всю историю собеседнику. И вряд ли стоит рассчитывать на вашу поддержку, если я не обрисую вам нашу стартовую диспозицию.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и тыкая длинным указательным пальцем в ладонь левой руки, чтобы подчеркнуть главные детали, принялся повествовать о событиях, побудивших нас к путешествию.

– Рысак по кличке Звездный, – начал он, – потомок прославленного Айсономи, унаследовавший все его блестящие качества. Сейчас ему идет пятый год, и на скаковой дорожке он завоевал для своего счастливого владельца – полковника Росса – все возможные призы. До момента катастрофы он считался главным фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него заключались три против одного. Впрочем, Звездный неизменно ходил в фаворитах и никогда не разочаровывал публику, поэтому даже при кажущемся перевесе соперников на него ставили громадные суммы. Ясно, что слишком многие были крайне заинтересованы в том, чтобы в ближайший вторник Звездный не стоял на старте, когда судья взмахнет флагом.

Разумеется, это прекрасно сознавали и в Кингз-Пайленде, где находится тренировочная конюшня полковника Росса. Для охраны фаворита были приняты все меры предосторожности. Тренер Джон Стрейкер прежде служил жокеем у полковника, пока не набрал веса сверх нормы. Жокеем он пробыл пять лет и семь – тренером, всегда исполняя свои обязанности ревностно и добросовестно. Под его началом было трое молодых помощников: в конюшне содержалось всего четыре лошади. Ночью один паренек дежурил в конюшне, остальные спали на сеновале. Все трое зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Джон Стрейкер жил с женой в небольшом домике в двухстах ярдах от конюшни. Супруги бездетны, обеспечены неплохо, держат служанку. Окружающая местность довольно пустынна, но около мили к северу некий подрядчик из Тэвисток выстроил несколько коттеджей для всех, кто желает поправить здоровье или просто насладиться чистым дартмурским воздухом. Сам Тэвисток расположен в двух милях к западу, по другую сторону вересковой пустоши находится Кейплтон – более обширная конюшня, принадлежащая лорду Бэкуотеру; управляет ею Сайлас Браун. Вокруг простирается совершенно безлюдная пустошь, куда порой забредают только цыгане. Таковы декорации той драмы, которая разыгралась на их фоне в минувший понедельник.

Накануне вечером лошадей, как обычно, тренировали, затем напоили, и в девять часов конюшню заперли на замок. Двое пареньков пошли в домик тренера, где на кухне их накормили, а третий конюх – Нэд Хантер – остался сторожить. В начале десятого служанка (по имени Эдит Бакстер) принесла ему ужин – баранину с острым соусом карри. Питья не взяла, так как в конюшне есть водопроводный кран, а ничего, кроме воды, на дежурстве пить не полагалось. Девушка несла с собой фонарь: уже стемнело, а дорожка к конюшне вела через пустошь.

Ярдах в тридцати от конюшни из темноты вынырнул человек и окликнул Эдит Бакстер. В круге желтого света от фонаря она увидела мужчину в гетрах – с виду джентльмена, одетого в серый твидовый костюм. На голове у него была матерчатая кепка, в руках он держал тяжелую трость с набалдашником. Девушку, однако, поразило его белое как мел, взволнованное лицо. Лет, по ее прикидкам, ему было, скорее всего, за тридцать.

«Не скажете ли, где я нахожусь? – спросил мужчина. – Я уже собрался заночевать под открытым небом, но тут увидел свет вашего фонаря».

«Вы в Кингз-Пайленде, поблизости от конюшни полковника Росса», – ответила девушка.

«Неужели? Вот так удача! – воскликнул незнакомец. – Один из младших конюхов, кажется, дежурит там каждую ночь. Вы, наверное, несете ему ужин? Думаю, вы не такая гордячка, чтобы отказаться от денежки на новое платье, не правда ли? – С этими словами он вынул из кармана жилета сложенный лист белой бумаги. – Передайте это сейчас конюху, и самое нарядное платье будет вашим».

Перепуганная такой настойчивостью, девушка ринулась мимо незнакомца к окошку конюшни, через которое обычно передавала еду. Окошко было уже распахнуто, Хантер сидел возле него за столиком. Не успела Эдит рассказать о происшествии, как незнакомец вновь оказался рядом с ней.

«Добрый вечер! – заглянув в окошко, произнес он. – Мне нужно с вами поговорить».

Девушка уверяет, будто заметила в его стиснутой руке бумажный пакетик.

«Что вам тут за дело?» – буркнул юноша.

«Дело, которое может заметно пополнить ваш карман. Два ваших жеребца – Звездный и Баярд – участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Выложите мне все начистоту – и внакладе не останетесь. Правда ли, что в забеге с весовым гандикапом Баярд после пяти фарлонгов будет опережать Звездного на сотню ярдов и что ваше заведение делает ставку именно на него?»

«А, так вы явились сюда поразноухивать! – закричал Хантер. – Ну, так я вам покажу, как мы в Кингз-Пайленде обходимся с такими молодчиками».

Конюх вскочил и бросился в угол конюшни – спустить с цепи собаку. Девушка побежала обратно к дому, но, оглянувшись, увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Впрочем, когда минуту спустя Хантер выскочил из конюшни с собакой, неизвестного и след простыл: обежав все постройки, Хантер нигде его не обнаружил.

– Постойте! – перебил я. – Когда конюх выбежал из конюшни с собакой, он оставил дверь незапертой?

– Превосходно, Ватсон, превосходно! – с улыбкой отозвался мой спутник. – Это обстоятельство показалось мне настолько важным, что для выяснения его я послал вчера в Дартмур срочную телеграмму. Запереть дверь Хантер не забыл. Могу добавить, что в окошко взрослому человеку не влезть.

Хантер дождался возвращения сотоварищей и послал одного из них к тренеру сообщить о происшествии. Стрейкер обеспокоился, хотя, по-видимому, недооценил его истинное значение. Смутная тревога, впрочем, его не оставляла: миссис Стрейкер, проснувшись в час ночи, увидела, как муж одевается. В ответ на ее расспросы он пояснил, что не может заснуть, поскольку волнуется за лошадей, и намерен сам убедиться, все ли в конюшне благополучно. Миссис Стрейкер умоляла его не выходить из дома: шел сильный дождь, но супруг, не слушая ее уговоров, накинул непромокаемый плащ и ушел.

Миссис Стрейкер проснулась в семь утра. Муж еще не вернулся. Она поспешно оделась, позвала служанку – и вместе они направились к конюшне. Дверь была отворена; Хантер сидел на стуле скрючившись, без признаков сознания; стойло фаворита пустовало, главный тренер отсутствовал.

Немедля разбудили двух других конюхов, спавших наверху, где нарезали солому. Растолкать их всегда непросто, так что ночью они, конечно, ничего не слышали. Хантер явно находился под действием какого-то сильного зелья, и добиться от него вразумительных слов было нельзя. Женщины и конюхи оставили его отсыпаться и побежали на поиски пропавших. Они все еще надеялись, что Стрейкер по неведомой причине ни свет ни заря вывел Звездного на тренировку. Взобравшись на холмик, откуда открывался широкий вид на пустошь, фаворита они нигде не увидели, зато обнаружили нечто, от чего сердца у них забились в тревоге.

Приблизительно в четверти мили от конюшни на куст дрока был наброшен плащ Джона Стрейкера. Сразу за кустом находилась пологая ложбинка, на дне которой нашли тело несчастного тренера. Его голову размозжил страшный удар какого-то тяжелого орудия; бедро было

рассечено длинным ровным разрезом, нанесенным, очевидно, чрезвычайно острым инструментом. Стрейкер, вне сомнения, яростно сопротивлялся нападшим: в правой руке он сжимал ножичек, покрытый до самой рукоятки запекшейся кровью, а в левой держал красно-черный шелковый шарф, который, по словам служанки, она видела на шее незнакомца, навестившего конюшню накануне вечером.

Хантер, придя в себя, подтвердил ее показания. Кроме того, он не сомневался, что пришелец, стоя у окошка, подсыпал в тарелку с бараниной снотворное и конюшня оказалась без сторожа.

Что касается пропавшего жеребца, то многочисленные следы копыт на заболоченной почве роковой ложбинки неоспоримо свидетельствуют: Звездный был там во время схватки. С того утра, однако, его никто не видел. За известия о нем предложено огромное вознаграждение; всем дартмурским цыганам было поручено смотреть в оба, однако до сих пор о фаворите ни слуху ни духу. И наконец, анализ остатков злополучного ужина показал, что в него подсыпали солидную дозу опиума, тогда как обитатели домика ели в тот вечер то же блюдо без малейших неприятных последствий.

Вот основные факты по этому делу. Я изложил их, стараясь избегать любых домыслов. Перечислю меры, предпринятые полицией.

Инспектор Грегори, которому поручено расследование, человек в высшей степени толковый. Будь он наделен воображением, то достиг бы в своей профессии настоящих высот. По прибытии на место он незамедлительно нашел и арестовал субъекта, на которого естественным образом пали подозрения. Отыскать его было нетрудно, поскольку в здешних краях он хорошо известен. Имя его, как сообщают, Фицрой Симпсон. Происходит из благородного рода, получил прекрасное образование, но растратил все состояние на скачках, а теперь перебивается потихоньку букмекерством в спортивных клубах Лондона. В его записной книжке обнаружили несколько записей о пари до пяти тысяч фунтов против фаворита.

После ареста он открыто признался, что ездил в Дартмур в надежде раздобыть сведения о лошадях Кингз-Пайленда, а также о Дезборо – втором фаворите нынешних скачек, которого опекает Сайлас Браун в конюшне Кейплтона. Симпсон ни словом не оспаривал свидетелей своего вчерашнего поведения, однако утверждает, что не замышлял никакого злодейства, а всего лишь хотел получить данные из первых рук. При виде шарфа он сильно побледнел и не сумел объяснить, каким образом тот оказался в руке убитого. Влажная одежда Симпсона свидетельствовала о том, что ночью он попал под дождь, а его пенангская трость, налитая свинцом, вполне могла послужить тем самым оружием, которым тренеру были нанесены смертельные удары.

С другой стороны, на нем нет ни единой царапины, тогда как кровь на ножичке Стрейкера указывает на то, что в схватке был ранен хотя бы один из нападавших. Вот вкратце все, что мне известно, и я бесконечно буду вам признателен, Ватсон, если вы сможете пролить свет на это дело.

Я с величайшим интересом выслушал рассказ Холмса, изложенный с присущей моему другу предельной ясностью. Хотя со многими из фактов я был уже знаком, оценить их соотношение и взаимосвязь было непросто.

– А не могло случиться так, – предположил я, – что Стрейкер сам себя порезал ножом при конвульсиях, вызванных повреждением головного мозга?

– Это более чем возможно; это вероятно. В этом случае обвиняемый лишается одной из главных улик, которая пошла бы ему на пользу.

– И все же, – продолжал я, – даже и теперь я не в силах уразуметь, на какой версии полиция могла бы остановиться.

– Боюсь, что против любой теории найдутся самые серьезные возражения. Насколько я понимаю, в полиции считают, что Фицрой Симпсон, одурманив паренька, отпер конюшню дуб-

ликастом ключа, который он каким-то образом раздобыл, и увел жеребца предположительно с очевидным намерением его похитить. Уздечки в конюшне нет: значит, Симпсон ею воспользовался. Далее, оставив дверь распахнутой, он повел лошадь через пустошь, где его встретил или настиг тренер. Разумеется, завязалась драка. Симпсон проломил голову Стрейкера массивной тростью, сам не получив ни царапины от ножичка, которым оборонялся Стрейкер. Затем похититель либо увел лошадь в некое укрытие, либо она вырвалась и ускакала во время схватки – и сейчас бродит по пустошам. Так видится полиции. Версия маловероятная, но все прочие вероятны еще меньше. Впрочем, на месте я сумею довольно быстро ее проверить, а до того не вижу способа хотя бы немного продвинуться в нашем расследовании.

К вечеру мы добрались до Тэвистока – это небольшой городок, расположенный, подобно умбону на шите, посредине просторного Дартмурского плоскогорья. На станции нас ожидали двое: рослый бородатый блондин с львиной гривой и пронизательным взглядом светло-голубых глаз; рядом – коренастый подвижный джентльмен в щегольском сюртуке и в крагах, с холеными бакенбардами и моноклем. Это были инспектор Грегори, приобретавший все более весомую репутацию в английской сысчной службе, и полковник Росс, известный поклонник спорта.

– Рад видеть вас, мистер Холмс, – сказал полковник. – Инспектор сделал все, что от него зависело, но я готов пустить в ход любые средства, лишь бы сквитаться за гибель бедняги Стрейкера и вернуть моего коня.

– Есть что-то новенькое? – осведомился Холмс.

– К сожалению, до сих пор толчем воду в ступе, – ответил инспектор. – У нас открытая коляска, а вы наверняка не прочь осмотреть место происшествия, пока не стемнело. Давайте поедем и в пути поговорим.

Через минуту удобное ландо, стуча колесами, катило нас по причудливым улицам старинного девонширского городка. Инспектор Грегори, с головой ушедший в порученное ему дело, без умолку делился с Холмсом своими соображениями, а мой друг лишь изредка хмыкал или задавал вопрос. Полковник, сложив руки на груди и надвинув шляпу поглубже, хранил молчание, тогда как я с интересом вслушивался в беседу двух детективов. Грегори излагал версию, почти в точности совпадающую с той, какую Холмс поведал мне в поезде.

– Наша сеть стягивается вокруг Фицроя Симпсона. По моему мнению, преступник именно он. Впрочем, отдаю себе отчет в том, что все улики против него – косвенные и могут быть опровергнуты; если вскроются новые обстоятельства, обвинение окажется ложным.

– А как насчет ножа Стрейкера?

– Мы пришли к твердому выводу, что при падении он поранил себя сам.

– Мой друг доктор Ватсон по дороге сюда выдвинул такое же предположение. Если так, то это не в пользу Симпсона.

– Несомненно. Ножа у него нет, ран на теле никаких. Улики против него действительно самые что ни на есть серьезные. Он был крайне заинтересован в устранении фаворита. Он подозревается в отравлении юноши-конюха; он явно промок под дождем; был вооружен тяжелой тростью; наконец, именно его шарф убитый сжимал в руке. Для суда присяжных, полагаю, этого вполне достаточно.

Холмс покачал головой:

– Умный адвокат превратит все эти доводы в труху. Зачем Симпсону понадобилось выводить лошадь из конюшни? Если он собирался ее искалечить, то мог бы сделать это и там. Дубликата ключа у него не нашли, ведь так? Что за аптекарь продал ему порошок опиума? И самое главное: где, в каком закоулке приезжий из Лондона, незнакомый с местностью, сумел спрятать жеребца, да еще столь знаменитого? Интересно, что он говорит о листке, который намеревался передать конюху через служанку?

– Говорит, что это была десятифунтовая банкнота. Такая же лежала у него в кошельке. На прочие ваши вопросы ответить легче, чем кажется. Симпсон в этих краях вовсе не чужак. Летом он дважды жила в Тэвистокке. Опиум, по-видимому, привез из Лондона. Ключ за ненадобностью мог и выкинуть. Лошадь, должно быть, лежит на дне какой-нибудь ямы или заброшенного рудника.

– А что он говорит про шарф?

– Признает в нем свою собственность, но утверждает, что где-то его потерял. Между тем вскрылось одно обстоятельство, способное объяснить, зачем Симпсон увел Звездного из конюшни.

Холмс наострил уши.

– Установлено, что в ночь с понедельника на вторник на расстоянии мили от места убийства расположился цыганский табор. Во вторник утром они куда-то перекочевали. Если предположить, что Симпсон заранее вступил с ними в сговор, то лошадь, когда его перехватили, он отвел именно к ним, и она до сих пор в таборе.

– Вполне допустимо.

– В поисках табора пустошь тщательно прочесали. Я самолично проверил также все конюшни и надворные постройки не только в Тэвистокке, но и в радиусе десяти миль.

– Насколько мне известно, поблизости находится еще одна конюшня, в которой тренируют скаковых лошадей?

– Да, и этот фактор мы непременно должны учитывать. Их жеребец Дезборо котировался вторым претендентом на приз, а потому исчезновение фаворита их очень устраивало. Известно, что тренер Сайлас Браун сделал на этот забег крупные ставки и с беднягой Стрейкером скорее враждовал. Мы, разумеется, обследовали эту конюшню, но ничего подозрительного не обнаружили.

– А нет ли указаний на то, что Симпсон был заинтересован в успехе питомцев Кейплтона?

– Ровным счетом никаких.

Холмс откинулся на спинку сиденья, и разговор прекратился. Через несколько минут наш экипаж подъехал к стоящему у дороги приятному на вид кирпичному домику с выступающим свесом крыши. Невдалеке, по другую сторону загона, виднелось длинное строение, крытое серой черепицей. Вокруг, до самого горизонта, простиралась всхолмленная пустошь, бронзовая от увядающих папоротников; однообразие пейзажа нарушали только островерхие крыши Тэвистокки и теснившиеся к западу постройки кейплтонской конюшни. Мы спустились с коляски, за исключением Холмса, который сидел в прежней позе, устремив неподвижный взгляд перед собой и целиком погружившись в размышления. Только когда я тронул его за локоть, он вздрогнул и соскочил на землю.

– Простите, – обратился он к полковнику Россу, недоуменно на него смотревшему, – я что-то замечтался.

По загоревшимся глазам Холмса и взволнованности, которую он старался замаскировать, я, хорошо изучивший его повадки, уверенно заключил, что он нашел ключ к разгадке, хотя и представления не имел, где он смог его раздобыть.

– Мистер Холмс, быть может, вы предпочтете, не откладывая, отправиться на место преступления? – спросил Грегори.

– Мне бы хотелось немного побыть здесь и прояснить два-три вопроса. Тело Стрейкера принесли сюда, не так ли?

– Да, оно лежит наверху. Коронер приступит к дознанию завтра.

– Стрейкер прослужил у вас не один год – верно, полковник?

– Это так, и он всегда был на высоте долга.

– Полагаю, что вы, инспектор, составили опись предметов, находившихся в карманах убитого на момент его смерти?

- Все эти вещи сейчас в гостиной, можете их осмотреть.
- Охотно.

Войдя в гостиную, мы уселись вокруг стола, стоявшего посередине. Инспектор открыл квадратный жестяной ящичек и выложил перед нами его небогатое содержимое: коробок восковых спичек, огарок свечки в два дюйма, трубку «А. Д. Р.» из верескового корня, кисет из тюленьей кожи с половиной унции кэвендишского длинно нарезанного плиточного табака, серебряные часы с золотой цепочкой, пять золотых соверенов, алюминиевый пенал, несколько бумаг и ножик с ручкой из слоновой кости с очень тонким негнувшимся лезвием, на котором стояла марка «Вайс и К^о, Лондон».

– Ножичек прелюбопытный, – сказал Холмс, взяв его в руки и пристально изучая. – Судя по пятнам засохшей крови, именно его нашли в кулаке убитого. Подобный инструмент, Ватсон, вам наверняка знаком?

– Мы, хирурги, именуем его катарактальным.

– Я так и думал. Острейшее лезвие, предназначенное для тончайшей работы. Вам не кажется странным, что человек, отправляясь в небезопасный поход, берет с собой именно такой нож – тем более что его нельзя сунуть в карман сложенным?

– На кончик был насажен пробковый диск, который мы нашли возле трупа, – пояснил инспектор. – Вдова говорит, что нож несколько дней лежал на туалетном столике и Стрейкер прихватил его, направляясь к выходу. Оружие, конечно, плевое, но, видимо, ничего лучшего ему тогда под руку не подвернулось.

– Очень возможно. А что это за бумаги?

– Три оплаченных счета за доставку сена. Письмо от полковника Росса с распоряжениями. А вот это – счет от модистки, мадам Лезюрье с Бонд-стрит, выписанный на имя Уильяма Дербишира; указанная сумма – тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов. По словам миссис Стрейкер, этот Дербишир был другом ее покойного мужа и время от времени письма на его имя адресовались сюда.

– Вкусы мадам Дербишир обходятся ей довольно дорого, – заметил Холмс, просматривая счет. – Двадцать две гинеи за одно платье – сумма изрядная. Однако делать нам тут, пожалуй, больше нечего; давайте отправимся на место преступления.

Едва мы вышли из гостиной, навстречу нам шагнула женщина, поджидавшая нас в коридоре, и коснулась рукава инспектора. На ее худом измученном лице лежал отпечаток недавно пережитого ужаса.

– Вы их нашли? Поймали? – выдохнула она.

– Нет, миссис Стрейкер. Но вот к нам на помощь прибыл из Лондона мистер Холмс, и мы сделаем все, что только возможно.

– Миссис Стрейкер, по-моему, не так давно мы с вами виделись на приеме в Плимуте, не правда ли? – спросил Холмс.

– Нет, сэр, вы ошибаетесь.

– Неужели? Я готов биться об заклад, что это были вы. На вас было шелковое платье сизо-голубого цвета, отделанное страусиными перьями.

– У меня никогда не было такого платья, сэр!

– Ну что ж, на нет и суда нет, примите мои извинения! – С этими словами Холмс последовал за инспектором во двор.

Долго через пустошь идти не пришлось; вскоре мы оказались у ложбинки, где нашли тело убитого. У края ложбинки рос куст дрока, на котором висел плащ Стрейкера.

– Та ночь, кажется, выдалась безветренной, – произнес Холмс.

– Верно. Однако дождь лил как из ведра.

– В таком случае плащ не был занесен на куст ветром: его туда повесила чья-то рука.

– Да, плащ был наброшен сверху.

– Вы меня заинтриговали. Земля вокруг, как я вижу, сильно истоптана. Похоже, с понедельника тут побывала целая толпа.

– Сбоку мы положили половик – и, не сходя, стояли только на нем.

– Превосходно!

– А вот в этой сумке ботинок Стрейкера, ботинок Фицроя Симпсона и образец подковы Звездного.

– Дорогой инспектор, вы превзошли самого себя!

Холмс взял сумку и, спустившись в ложбинку, поместил циновку посередине. Затем улегся на нее и, подперев подбородок, принялся тщательно изучать истоптанную почву.

– Ага! – вдруг воскликнул он. – А вот это что такое?

В руках у него была восковая спичка, настолько покрытая грязью, что походила скорее на щепку.

– Не понимаю, как это я ее проглядел, – с досадой сказал инспектор.

– Где ж ее было заметить? Ее втоптали в почву. А я ее увидел только потому, что искал.

– Что? Вы ожидали найти здесь спичку?

– Такой вероятности я не исключал.

Холмс извлек из сумки ботинки и начал сличать подошвы со следами на земле. Потом выбрался из ложбинки и стал ползать между кустами и папоротниками.

– Боюсь, других следов не обнаружится, – вмешался инспектор. – Я самым придирчивым образом обследовал всю территорию в радиусе ста ярдов.

– Вот оно что! – Холмс выпрямился. – Раз так, не хочется проявлять невежливость по отношению к вам и проделывать это заново. Но я, пожалуй, немного пройду по пустоши, пока не стемнело, чтобы получше освоиться. Завтра это может пригодиться. А подкову на счастье заберу с собой.

Полковник Росс, с явным нетерпением следивший за неспешными и планомерными действиями моего друга, бросил взгляд на часы.

– Прошу вас, инспектор, составить мне компанию, – обратился он к Грегори. – Мне нужно кое о чем с вами посоветоваться – прежде всего, как поступить со списком участников забега. По-моему, вычеркнуть Звездного – наш долг перед публикой.

– Ни в коем случае! – твердо заявил Холмс. – Звездный должен остаться в списке.

Полковник поклонился:

– Счастлив узнать ваше мнение, сэр. Окончив прогулку, вы найдете нас в доме несчастного Стрейкера, а потом мы вместе поедем в Тэвисток.

Инспектор с полковником направились к дому, а мы с Холмсом побрели по пустоши. За кейплтонской конюшней садилось солнце, и обширную покатую равнину перед нами затопил золотистый закатный свет, отливающий красноватыми оттенками на увядших папоротниках и зарослях ежевики. Однако мой спутник, погруженный в глубокое раздумье, словно и не замечал окружающей красоты.

– Вот что, Ватсон, – произнес он наконец. – Отложим пока вопрос, кто расправился с Джоном Стрейкером, и займемся тем, что случилось с лошадей. Если предположить, что Звездный вырвался и ускакал во время схватки, то куда он мог деваться? Одиночества лошади не выносят. Оставшись без надзора, Звездный по воле инстинкта возвратился бы в Кингз-Пайленд или же завернул в Кейплтон. С какой стати ему слоняться по пустоши? Уже давным-давно он попался бы кому-нибудь на глаза. И зачем цыганам вздумалось бы его похищать? Чуть запахнет жареным, они стараются держаться подальше, лишь бы не связываться с полицией. Продать такого жеребца – нечего и надеяться. Кража связана с большим риском, а профита никакого. Двух мнений на этот счет быть не может.

– Где же тогда Звездный?

– Я уже сказал, что он либо вернулся в Кингз-Пайленд, либо прибил к Кейплтону. Раз Звездный не в Кингз-Пайленде, то вывод один: он сейчас в Кейплтоне. Примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, что из нее воспоследует. По словам инспектора, почва в этой части пустоши высохла и затвердела. Но по направлению к Кейплтону местность понижается: уже отсюда заметна обширная лощина, где в ночь на понедельник скопилось, должно быть, немало влаги. Если мы рассуждаем правильно, то Звездный наверняка поскакал туда, и нам предстоит поискать его следы.

Беседуя на ходу, мы за несколько минут добрались до лощины. По просьбе Холмса я пошел по правой стороне, а он взял влево, но не успел я сделать и полсотни шагов, как услышал его торжествующий возглас и увидел, как он машет мне рукой. Возле ног Холмса отчетливо различался конский след. Вынутая из кармана подкова точь-в-точь совпала с отпечатком.

– Вот видите, как много значит воображение! – произнес Холмс. – А его-то Грегори и недостает. Мы нарисовали воображаемую ситуацию, предприняли действия согласно ей – и получили полное подтверждение гипотезы. Идем дальше.

Мы пересекли болотистую лощину и чуть ли не четверть мили шагали по сухому жесткому дерну. Местность снова пошла под уклон, и мы опять наткнулись на следы лошадиных копыт. Затем они исчезли и появились вновь только через полмили, вблизи Кейплтона. Первым следы заметил Холмс – и ликующе указал на них мне. Рядом с отпечатками лошадиных копыт виднелись следы человека.

– До этого лошадь брела одна! – воскликнул я.

– Совершенно верно, сначала – да. Ого, а это что такое?

Двойные следы резко поворачивали в сторону Кингз-Пайленда. Холмс присвистнул. Мы оба пошли за ними. Холмс не сводил глаз с этих следов, но я случайно бросил взгляд вбок и с удивлением увидел, что те же следы идут в обратном направлении.

– Очко в вашу пользу, Ватсон, – оценил мое открытие Холмс. – Теперь нам незачем долго шагать попусту: мы все равно вернулись бы сюда. Идемте по этим следам.

Долго идти не пришлось. Следы оборвались у асфальтовой дорожки, ведущей к кейплтонской конюшне. Навстречу нам из ворот выбежал конюх с криком:

– Чего это ради вы тут шатаетесь?

– Мне хотелось бы задать только один вопрос, – заявил Холмс, засунув большой и указательный палец в карман жилета. – Если я приду завтра в пять утра повидать вашего хозяина, мистера Сайласа Брауна, это не будет слишком рано?

– Господь с вами, сэр, уж кого-кого, а мистера Брауна всяко застанете: он ранняя птичка. А вот он и сам, задавайте ему свои вопросы. Нет-нет, сэр! Денег я при нем не возьму, иначе меня отсюда выгурят. Попозже, если угодно.

Не успел Шерлок Холмс спрятать монету в полкроны обратно в карман, как из ворот, широко шагая, к нам двинулся немолодой мужчина свирепого вида с охотничьим хлыстом.

– Что это такое, Доусон? – заорал он. – Сплетни разводите? А ну, марш работать! А вам какого черта тут понадобилось?

– Всего лишь поговорить с вами, дражайший сэр. Десяти минут мне достаточно, – елейным тоном протянул Холмс.

– Некогда мне болтать со всякими бездельниками! Посторонних мы не пускаем. Вон, а не то я собак на вас спущу.

Холмс подался вперед и шепнул что-то на ухо тренеру. Тот отшатнулся и побагровел.

– Это ложь! – выпалил он. – Наглая ложь!

– Отлично. Обсудим это на публике или побеседуем у вас в гостиной?

– Ладно, пройдемте, коли желаете.

Холмс улыбнулся:

– Побудьте минутку здесь, Ватсон. Итак, мистер Браун, я к вашим услугам.

Прошло целых двадцать минут, и закатные лучи уже померкли, когда Холмс появился вновь в сопровождении тренера. Мне никогда не доводилось видеть в человеке столь разительную перемену за считаное время. Лицо Сайласа Брауна сделалось пепельно-серым, на лбу выступили крупные капли пота, а руки дрожали так, что хлыст мотался, будто ветка на ветру. Куда только девалась его недавняя хамская бесцеремонность? Он искательно заглядывал в глаза Холмсу, будто побитый пес.

– Ваши указания будут выполнены. Все будет сделано как надо, – твердил он.

– Ошибки быть не должно! – Холмс круто повернулся к Брауну, и тот съезжился под его грозным взглядом.

– Что вы, что вы! Это исключено. Доставлю куда скажете. Переменить ли?..

Холмс, подумав немного, расхохотался:

– Нет, не надо! Я вам напишу подробней. И смотрите, без всяких там штучек, а то...

– Можете на меня положиться, Богом клянусь!

– Позаботьтесь о нем так, словно это ваша собственность.

– Можете на меня положиться.

– Что ж, попробую. Завтра получите мою записку.

Холмс отвернулся, словно и не заметив протянутой к нему трясущейся руки, и мы пошагали к Кингз-Пайленду.

– Ну и молодец этот Сайлас Браун – наглец, трус и подлиза в одном лице! Такую бесподобную смесь нечасто встретишь, – устало заметил на ходу Холмс.

– Лошадь, значит, у него?

– Он сначала из кожи лез, стараясь отвертеться, но я с такой точностью описал все его действия во вторник утром, что он вообразил, будто я таскался за ним по пятам. Вы, конечно, обратили внимание на следы его сапог – с необычными квадратными носками; эти сапоги на нем и сегодня. И конечно же, на такой поступок человек, находящийся в подчинении, вряд осмелился бы. Я напомнил Брауну, как он, по привычке поднявшись спозаранку, увидел на пустоши незнакомую лошадь. Обрисовал далее, как он подошел к ней, с изумлением различил на лбу лошади белую звездочку и понял, что судьба послала ему единственного соперника того жеребца, в которого он вложил крупную сумму. Я рассказал Брауну, что первым его побуждением было отвести Звездного в Кингз-Пайленд, но лукавый подбил его скрыть лошадь до окончания скачек. Он так и поступил: повел Звездного в Кейплтон и там спрятал. Когда я закончил мой отчет, Браун сдался и начал думать только о спасении собственной шкуры.

– Но ведь его конюшню осматривали!

– О, у этого прожженного лошадирика полный короб всевозможных уловок.

– И вы не боитесь оставить лошадь в его руках? Он же очень заинтересован в том, чтобы причинить ей вред.

– Друг мой, он станет беречь ее пуще зеницы ока. Браун может рассчитывать на милосердие только в том случае, если предъявит ее в целостности и сохранности.

– Полковник Росс не произвел на меня впечатления человека, склонного к милосердию.

– Дело не в полковнике Россе. Я следую моему собственному методу – и сообщаю ровно столько, сколько считаю нужным. В этом преимущество моего независимого положения. Не знаю, заметили ли вы, Ватсон, но полковник отнесся ко мне несколько свысока, и я настроен слегка над ним потешиться. Не говорите ему ни слова о Звездном.

– Разумеется, только с вашего позволения.

– Впрочем, все это сущие пустяки по сравнению с вопросом, кто убил Джона Стрейкера.

– Вы намерены немедленно приступить к расследованию?

– Напротив, мы оба возвращаемся в Лондон первым же ночным поездом.

Слова Холмса меня ошеломили. Мы пробыли в Девоншире всего несколько часов, и я никак не мог взять в толк, почему он намерен прекратить расследование, столь блестяще нача-

тое. Однако добиться от него пояснений мне так и не удалось, пока мы не вошли в дом покойного тренера. Полковник и инспектор ожидали нас в гостиной.

– Мы с приятелем возвращаемся в Лондон ночным экспрессом, – объявил Холмс. – Приятно было хоть немного подышать вашим чудесным дартмурским воздухом.

Инспектор широко раскрыл глаза, а полковник насмешливо скривил губы.

– Итак, вы отчаялись изловить убийцу несчастного Стрейкера, – бросил он.

Холмс пожал плечами:

– С этим делом действительно сопряжены серьезные трудности. Впрочем, совершенно уверен, что во вторник ваша лошадь выйдет на старт, и прошу вас передать жокею, чтобы он был наготове. А не могу ли я взглянуть на фотографию мистера Джона Стрейкера?

Инспектор вынул снимок из конверта и протянул его Холмсу.

– Дорогой Грегори, вы предупреждаете все мои желания. С вашего позволения, господа, я на минуту вас оставлю: мне нужно задать служанке один вопрос.

– Должен признаться, что ваш лондонский консультант сильно меня разочаровал, – напрямик заявил полковник Росс, как только мой друг вышел из комнаты. – Не вижу, чтобы мы с его приезда хоть на шаг продвинулись вперед.

– Но он, по крайней мере, заверил вас, что ваша лошадь примет участие в скачках, – вмешался я.

– Заверения-то он дал, – возразил полковник, недовольно поведя плечом. – Но я предпочел бы лошадь.

Я собрался было защитить моего друга, но он как раз вернулся:

– Ну что, джентльмены, в Тэвисток?

Когда мы садились в коляску, дверцу придержал один из конюхов. Холмса, казалось, осенила какая-то мысль: он перегнулся через борт и тронул паренька за рукав:

– У вас в загоне есть овцы. Кто за ними следит?

– Я, сэр.

– Вы не замечали, не творится ли с ними в последнее время что-нибудь неладное?

– Да нет, сэр, ничего особенного: разве что три вдруг начали прихрамывать, сэр.

Холмс хмыкнул и, чрезвычайно довольный, потер руки.

– Ловко, Ватсон, очень ловко! – Он подтолкнул меня в бок. – Грегори, позвольте мне обратить ваше внимание на эту удивительную эпидемию среди здешних овец. Вперед!

Полковник Росс по-прежнему сохранял на лице кислое выражение – свидетельство, как невысоко он ценит мнение моего компаньона, – но по виду инспектора ясно было, что он крайне взволнован этим замечанием.

– Вы считаете это немаловажным? – осведомился он у Холмса.

– Более чем.

– Есть ли другие частности, над которыми я должен задуматься?

– Например, странное поведение собаки в ночные часы.

– Странное поведение? Но она никак себя не вела.

– Вот это и странно, – заключил Холмс.

Четыре дня спустя мы с Холмсом снова сидели в поезде на Винчестер, где происходили скачки на кубок Уэссекса. Полковник Росс ожидал нас, как было условлено, на станции, в запряженном четверкой экипаже, в котором мы и отправились за город, к скаковому кругу. Полковник был мрачен и держался с нами крайне холодно.

– Моей лошади нет как нет, – буркнул он.

– Полагаю, вы узнаете Звездного, когда его увидите?

Полковник разъярился:

– Я двадцать лет на бегах, и еще никому не приходило в голову задать мне подобный вопрос! Звездного – по белой отметине на лбу и пятнам на передней правой ноге – узнает любой ребенок.

– А что со ставками?

– Что-то не совсем понятное. Вчера ставили пятнадцать к одному, потом ставки пошли вниз, а сейчас ставка три к одному, да и то на волоске висит.

– М-да, – хмыкнул Холмс. – Наверняка пронюхали, что к чему, это ясно.

Мы подъехали к ограждению возле главной трибуны. Я взял афишу и начал читать:

Призовой кубок Уэссекса. Жеребцы четырех и пяти лет. 50 соверенов подписных, половинная неустойка. Первый приз – 1000 фунтов. Второй приз – 300 фунтов. Третий приз – 200 фунтов. Новая беговая дорожка (1 миля 5 фарлонгов).

1. Негр. Владелец – мистер Хит Ньютон; наездник – красный шлем, жилет светло-коричневый.

2. Боксер. Владелец – полковник Уордлоу; наездник – розовый шлем, жилет синий с черным.

3. Дезборо. Владелец – лорд Бэкуотер; наездник – шлем и рукава жилета желтые.

4. Звездный. Владелец – полковник Росс; наездник – шлем черный, жилет красный.

5. Ирис. Владелец – герцог Балморал; наездник – черные и желтые полосы.

6. Рашпиль. Владелец – лорд Синглфорд; наездник – шлем фиолетовый, рукава жилета черные.

– Мы положились на ваше слово и вторую лошадь вычеркнули, – сказал полковник. – Но что это? Звездный – фаворит?

– Звездный – пять к четырем! – слышались выкрики с трибун. – Звездный – пять к четырем! Дезборо – пятнадцать к пяти! Остальные – пять к четырем!

– Лошади выходят на старт! – воскликнул я. – Все шесть!

– Все шесть? – подхватил полковник, вне себя от волнения. – Значит, и моя лошадь здесь? Но я ее не вижу. Моих цветов нет.

– Пока что показались только пять. А, вот, должно быть, и Звездный!

В эту минуту из паaddockа вынесся гнедой жеребец и галопом проскакал мимо нас. Жокей был в черном и красном – хорошо известных цветах полковника.

– Это не моя лошадь! – завопил владелец. – У нее нет ни единого белого волоска! Что вы натворили, мистер Холмс?

– Ничего-ничего, посмотрим, как этот рысак себя покажет, – невозмутимо парировал Холмс. Некоторое время он не отрывал глаз от моего полевого бинокля. – Превосходно! Великолепный старт! – вдруг воскликнул он. – Ага, вот они на повороте!

Из коляски нам хорошо было видно, как лошади выбирают на прямую. Шесть рысаков шли настолько кучно, что поместились бы под одной попоной, но на половине дистанции вперед вырвался жеребец из кейплтонской конюшни с наездником в желтом. Однако прежде чем он с нами поравнялся, жеребец полковника стремительно обогнал соперника и достиг финиша на целых шесть корпусов впереди. Ирис герцога Балморала пришел третьим с большим отрывом.

– Так или не так, а кубок мой! – выдохнул полковник, утирая со лба пот. – Признаюсь, не в силах разобрать, что к чему. Вам не кажется, что вы слишком долго храните секрет, мистер Холмс?

– Согласен, полковник. Сейчас вы узнаете все. Давайте вместе взглянем на лошадь. Вот он, ваш Звездный, – произнес он, когда мы вошли в паaddock, куда доступ разрешался только владельцам лошадей и их друзьям. – Достаточно протереть лоб и ногу лошади винным спиртом, и перед вами во всей красе предстанет ваш любимец.

– Как так? – Полковник не находил слов.

– Звездный попал в руки жулика, я его вызволил и взял на себя смелость выпустить на скачки в том виде, в каком его сюда доставили.

– Дорогой мой сэръ, да вы настоящий волшебник! Лошадь ухожена как нельзя лучше. Сегодня Звездный превзошел сам себя. Приношу вам тысячу извинений за выказанное недоверие. Вернув Звездного, вы оказали мне неоценимую услугу. Но куда бóльшую окажете, если изловите убийцу Джона Стрейкера.

– Он уже мной изловлен, – хладнокровно заметил Холмс.

Мы с полковником воззрились на него в полном изумлении.

– Изловлен? Вами? И где же он тогда?

– Здесь.

– Здесь? Где?

– В данный момент я нахожусь в его обществе.

Полковник от возмущения налился краской:

– Я прекрасно сознаю, мистер Холмс, что чрезвычайно вам обязан, однако ваши слова – либо дурная шутка, либо оскорбление.

Холмс рассмеялся:

– Уверяю вас, полковник, я и не думал записывать вас в преступники. Подлинный убийца находится у вас за спиной.

Он отступил в сторону и положил руку на лоснящуюся гриву породистого жеребца.

– Звездный?! – в один голос вскричали мы с полковником.

– Именно он. Но должен сказать, что вину его смягчает немаловажное обстоятельство: Звездный действовал ради самозащиты, а вот Джон Стрейкер совершенно не заслуживал вашего доверия. Ага, звонок! Я надеюсь немного выиграть в следующем забеге, поэтому сообщу вам подробности в более подходящее время.

Вечером на обратном пути в Лондон мы, сидя в углу пулмановского вагона, слушали рассказ Холмса, и время как для меня, так и, полагаю, для полковника Росса пролетело совершенно незаметно. Холмс детально описал все события, происшедшие в дартмурской конюшне ночью в понедельник, а также приемы, благодаря которым ему удалось распутать этот клубок.

– Начну с того, что все версии, выработанные мной на основе газетных сообщений, оказались ошибочными. Тем не менее даже из этих репортажей можно было бы извлечь ценные указания, не будь они завалены грудой необязательных сведений, сбивающих с пути. Я отправился в Девоншир, убежденный в том, что преступление совершил Фицрой Симпсон, хотя и понимал, что свидетельства против него слишком уж шатки.

Только в экипаже, когда мы подъехали к домику тренера, меня осенило, какую громадную роль в этом деле сыграла баранина в соусе карри. Помните мою рассеянность? Я остался в коляске, дивясь тому, что мог упустить столь очевидную подсказку.

– Признаться, – вмешался полковник, – мне и сейчас непонятно, при чем тут баранина.

– Баранина стала отправной точкой моих рассуждений. У порошкового опиума – достаточно выраженный вкус: не то чтобы неприятный, но ощутимый. Если его подсыпать в обычное блюдо, привкус наверняка заметят – и, вероятно, отодвинут тарелку подальше. А вот острая приправа карри заглушает примеси. Невозможно вообразить, что карри готовили тем вечером на кухне тренера по воле Фицроя Симпсона. Еще более фантастично, что он случайно оказался там именно в тот вечер, когда на стол у Стрейкеров подавали кушанье, более всего отвечавшее его замыслу. Это немыслимо. Итак, Симпсон выбывает из числа подозреваемых, а наше внимание приковывают Стрейкер с супругой: только они могли заказать служанке на ужин баранину с карри. Опиум добавили в отдельную тарелку, предназначенную для конюха: все прочие едоки не испытали никаких последствий. Кто же – муж или жена – мог всыпать в тарелку опиум, уловив момент, когда служанка отвернется?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я поразмыслил над странным молчанием собаки: один правильный вывод неизбежно наталкивает и на другие. Если помните, паренек-конюх едва не натравил на Симпсона собаку. Значит, ее держали в конюшне, однако когда кто-то проник туда ночью и увел лошадь, она даже ни разу не гавкнула. А могла разбудить лаем и двух других мальцов, спавших на сеновале. Следовательно, ночного визитера собака знала хорошо.

Я уже был уверен – или почти уверен, – что среди ночи в конюшню за Звездным явился не кто иной, как сам Джон Стрейкер. Но с какой целью? Явно бесчестной, а то зачем бы ему дурманить подручного? И все же этот вопрос ставил меня в тупик. Известны случаи, когда тренеры через подставных лиц ставят огромные суммы против своих же лошадей – и обманым путем лишают их победы. Иногда подкупают жокея, чтобы тот попридержал скачущую лошадь. Иногда используют более хитрые и изощренные способы. Что же предпринял Стрейкер? Я надеялся, что содержимое его карманов наведет меня на разгадку.

Так оно и случилось. Помните необычный ножичек, зажатый в руке убитого? Ни единый человек в здравом уме не выберет его как оружие. Это был, по утверждению доктора Ватсона, хирургический инструмент, предназначенный для наиболее тонких операций. Подобная операция намечалась и той ночью. Вам, полковник Росс, как опытнейшему специалисту по скачкам, наверняка известно, что на лошадиной голени можно подрезать сухожилия под кожей совершенно незаметно, не оставив снаружи ни малейшего следа. Лошадь после такой операции будет слегка прихрамывать; хромоту объяснят ревматизмом сустава или чрезмерными тренировками, но только не злым умыслом.

– Негодяй! Мерзавец! – взорвался полковник.

– Вот для этого Джон Стрейкер и вознамерился вывести жеребца подальше на пустошь. Почувствовав укол ножа, горячий нравом Звездный неминуемо разбудил бы громким ржанием всю округу. Калечить фаворита необходимо было под открытым небом.

– Я был слеп! – воскликнул полковник. – Так вот зачем ему потребовались свеча и спички.

– Без сомнения. Но при осмотре вещей Стрейкера мне посчастливилось выявить не только способ преступления, но и его мотивы. Вы много повидали, полковник, и согласитесь, что обычно люди не носят у себя в кармане чужие счета. Как правило, нам хватает и собственных. Я тут же заключил, что Стрейкер ведет двойную жизнь и у него есть женщина на стороне. Счет свидетельствовал о том, что вкусы этой дамы обходятся весьма дорого. Вы щедро платите своим работникам, полковник, однако трудно ожидать, что ваши слуги способны покупать для возлюбленных платья стоимостью в двадцать гиней. Я мимоходом спросил у миссис Стрейкер об этом платье и, убедившись, что она в глаза его не видела, записал адрес модистки. Было у меня предчувствие, что стоит только показать ей фотографию Стрейкера, как мифический Дэрбишир растворится в воздухе.

Теперь все встало на свои места. Стрейкер завел лошадь в ложбину, откуда огонька свечи было не видно. Симпсон, спасаясь бегством, обронил свой шарф, и Стрейкер его подобрал – собираясь, вероятно, удерживать им лошадиную ногу. Уже в ложбине он чиркнул спичкой позади Звездного, а тот, испуганный внезапной вспышкой и ощутив, как это свойственно животным, опасность, взвился на дыбы – да так, что угодил стальной подковой прямо в лоб Стрейкеру. Стрейкер, несмотря на дождь, уже успел снять с себя плащ: дело предстояло непростое. В падении он пропорол себе скальпелем бедро. Кажется, все ясно?

– Изумительно! – вскричал полковник. – Просто невероятно! Вы как будто там присутствовали!

– Теперь последний штрих – признаться, это не сразу пришло мне в голову. Стрейкер, прежде чем приступить к столь рискованной операции на сухожилии, наверняка хотел чуточку попрактиковаться. На ком же? Мой взгляд случайно упал на овец в загоне; я задал вопрос наугад – и немало был удивлен ответом, который полностью подтвердил мое предположение.

– Теперь все совершенно ясно, мистер Холмс.

– Возвратившись в Лондон, я заявился к модистке. Она тотчас признала на фотографии своего постоянного заказчика – мистера Дербишира, женатого на страстной щеголихе, обожающей роскошные туалеты. Не сомневаюсь, что Стрейкер именно из-за этой дамы влез по уши в долги и, пытаясь их погасить, придумал этот злосчастный план.

– Вы не объяснили только одно, – проговорил полковник. – Где же Звездный провел все это время?

– А, Звездный... Он вырвался на свободу, и его приютил один из ваших соседей. Думаю, нам стоит его амнистировать. А, вот и Клэпем-Джанкшн? Минут через десять прибудем на вокзал Виктория. Если вы не прочь выкурить у нас сигару, полковник, охотно поделюсь с вами всеми прочими подробностями, какие будут вам интересны.

Желтое лицо

Эти краткие очерки повествуют о многочисленных эпизодах, в которых ярко проявилась редчайшая одаренность моего компаньона, а мне довелось оказаться свидетелем и порой участником запутанных драм. Я, вполне естественно, предпочитал подробнее останавливаться на успехах, а не на неудачах Шерлока Холмса. И побуждала меня к этому отнюдь не забота о его репутации: ведь именно тогда, когда Холмс оказывался в тупике, он особенно поражал энергией и многообразием таланта. Слишком часто случалось так, что если он терпел провал, то и никому другому не удавалось преуспеть и загадка оставалась загадкой. Иногда, впрочем, бывало, что, несмотря на заблуждения Холмса, истина тем не менее выплывала наружу. В моих заметках найдется с полдюжины подобных историй; случай со вторым пятном и дело, о котором я собираюсь рассказать, относятся к числу самых примечательных.

Шерлок Холмс редко упражнялся физически ради самого упражнения. Немногие могли превзойти его в мускульной силе, а в своем весе он был, несомненно, одним из лучших боксеров, мне известных; однако бесцельное телесное напряжение он считал напрасной тратой энергии и почти всегда начинал действовать, только когда этого требовала его профессия. В таких случаях он не знал усталости и упорно шел к цели. Удивительно, что и без постоянной тренировки он неизменно бывал в форме; правда, придерживался самой скромной диеты и сохранял образ жизни, близкий к аскетическому. Временами Холмс прибегал к кокаину, но других пороков за ним не водилось, а этим снадобьем он словно бы протестовал против монотонности существования, если расследований оказывалось недостаточно и в газетах не попадалось ничего интересного.

Как-то ранней весной Холмс пребывал в таком расслабленном состоянии, что отправился со мной в Парк, где на вязах пробивались первые несмелые побеги и клейкие копьевидные почки каштанов только начинали разворачиваться в пятиперстные листики. Мы бродили по парку часа два, едва перебросившись несколькими словами, как и подобает двум компаньонам, отлично знающим друг друга. На Бейкер-стрит вернулись уже около пяти.

– Прошу прощения, сэр, – обратился к Холмсу мальчик-слуга, открывая нам дверь. – Тут один джентльмен вас спрашивал, сэр.

Холмс глянул на меня с упреком:

– Вот вам и прогулка среди бела дня! И этот джентльмен ушел?

– Да, сэр.

– Ты предложил ему войти?

– Да, сэр, он зашел, чтобы вас дождаться.

– И долго он ждал?

– Полчаса, сэр. Очень беспокойный джентльмен, сэр. Все время расхаживал туда-сюда и топал ногой. Я ждал за дверью, сэр, и все слышал. Наконец выскочил в коридор и крикнул: «Да явится он когда-нибудь или нет?» Так прямо и сказал. «Вам нужно только самую чуточку подождать», – говорю я. «Тогда я подожду на свежем воздухе, а то тут дышать нечем, – ответил он. – Скоро вернусь». Схватился и ушел, никак его мне было не удержать.

– Ну что ж, ты сделал что мог, – проговорил Холмс, направляясь в нашу гостиную. – Однако, Ватсон, это очень досадно. Мне до зарезу нужно заняться каким-нибудь дельцем, а тут, судя по нетерпеливости посетителя, наклеывалось что-то важное. Вот те на! На столе трубка – но не ваша. Должно быть, гость оставил. Отличная вересковая трубка с превосходным длинным чубуком, который владельцы табачных лавок именуют янтарным. Интересно, сколько настоящих янтарных мундштуков насчитывается в Лондоне? Это целая коммерческая отрасль – снабжать фальшивый янтарь фальшивыми мухами. Наш визитер, вероятно, был крайне расстроен, если забыл прихватить трубку, которой явно очень дорожит.

– Почему вы так решили?

– Ну, такую трубку я оценил бы примерно в семь с половиной шиллингов. А ее, как видите, чинили дважды: один раз – деревянную часть и один раз – янтарную. Причем каждая починка – заметьте, с использованием серебряных скреп – стоила наверняка дороже, чем сама трубка. Вывод: владелец очень дорожит своей трубкой, если предпочитает ее чинить – вместо того, чтобы за те же деньги купить себе новую.

– Что-нибудь еще? – спросил я, наблюдая, как Холмс вертит трубку в руке и с присущим ему задумчивым видом пристально ее изучает.

Он выставил трубку напоказ и постучал по ней длинным тонким указательным пальцем на манер профессора, который, читая лекцию о строении скелета, постукивает по кости.

– Трубки подчас представляют собой чрезвычайный интерес, – продолжал Холмс. – Мало какой предмет столь индивидуален – кроме, возможно, часов и шнурков для ботинок. Здесь, впрочем, особенности не слишком выражены и не слишком существенны. Хозяин трубки – очевидно, человек крепкого сложения, левша, с превосходными зубами, не слишком аккуратен и не испытывает нужды в экономии.

Мой друг бросал эти сведения небрежно, словно между прочим, однако я видел, как он, скосив на меня взгляд, наблюдает, проследил ли я ход его рассуждений.

– Вы полагаете, что этот человек достаточно состоятелен, если курит трубку за семь шиллингов? – спросил я.

– Он курит гроувенорскую смесь по восемь пенсов за унцию, – сказал Холмс, выколотив немного табака на ладонь. – Поскольку за половину этой цены можно купить преотличный табак, вряд ли он так уж печется о своем кошельке.

– А что насчет прочих пунктов?

– Владелец имеет привычку разжигать трубку от ламп и газовых горелок. Обратите внимание: трубка с одной стороны сильно обуглилась. От спичек такого, конечно, не бывает. С какой стати, прикуривая, держать спичку сбоку? А вот прикурить от лампы, не опалив чашу трубки, не получится. И опалена она с правой стороны. Из этого я заключаю, что хозяин трубки – левша. Попробуйте прикурить от лампы: естественно, будучи правшой, вы поднесете ее к пламени левой стороной. Разок-другой, возможно, сделаете и наоборот, но в привычку это у вас не войдет. А эту трубку постоянно подносили именно правой стороной. Далее, янтарь глубоко прогрызен. На такое способен только сильный энергичный человек, причем с крепкими зубами. Но если не ошибаюсь, он уже поднимается по лестнице, и нам предстоит изучить кое-что поинтереснее трубки.

Мгновение спустя дверь открылась, и в комнату вошел высокий молодой человек. На нем был хороший, но не броский темно-серый костюм, в руке он держал коричневую фетровую шляпу с широкими полями. Я дал бы ему лет тридцать, хотя на самом деле он оказался несколько старше.

– Прощу прощения, – начал он, запинаясь. – Наверное, мне следовало постучать. Да, конечно же, следовало. Должен сознаться, я немного расстроен, в этом вся штука.

Он провел рукой по лбу, как человек, близкий к обмороку, и не сел, а скорее упал на стул.

– Я вижу, вы не спали ночь, а то и две, – проговорил Холмс свойственным ему мягким, доброжелательным тоном. – Это действует на нервы больше, чем работа, и даже больше, чем всякие удовольствия. Скажите, чем я могу вам помочь?

– Мне нужен ваш совет, сэр. Я не знаю, что делать. Похоже, вся моя жизнь пошла прахом.

– Вы хотите привлечь меня в качестве сыщика-консультанта?

– Не только. Мне необходимо услышать ваше мнение как человека здравого ума – имеющего богатый опыт. Я хочу узнать, что мне делать. Молю Бога, чтобы вы мне сумели это подсказать.

Молодой человек бросал короткие, отрывистые фразы; мне казалось, что речь для него мучительна и ему приходится преодолевать внутреннее сопротивление невероятным усилием воли.

– Вопрос деликатный, – продолжал он. – Кому понравится толковать о своих семейных делах с посторонними? Разве это не ужас – обсуждать поведение собственной жены с людьми, которых вижу впервые! Чудовищно, что я на такое решился. Но я дошел до точки – и мне позарез необходим совет.

– Мой дорогой мистер Грант Манро... – начал Холмс.

Наш гость вскочил с места:

– Как! Вам известно мое имя?

– Если вам угодно сохранять инкогнито, – с улыбкой заметил Холмс, – я бы порекомендовал вам не обозначать свое имя на подкладке шляпы – или, по крайней мере, поворачивать ее тульей к собеседнику. Я намеревался сказать, что мы с моим другом выслушали в этой комнате немало удивительных тайн и, признаюсь, нам посчастливилось внести мир во многие смятенные души. Смею надеяться, что и вам мы сумеем помочь. Я прошу вас, поскольку время может оказаться дорогим, без дальнейшего промедления ознакомить меня с подробностями вашего дела.

Наш посетитель снова провел рукой по лбу, словно последовать этому приглашению для него было равносильно пытке. Выражение его лица и каждый жест свидетельствовали о том, что по натуре он сдержанный, замкнутый человек, с чувством достоинства и склонный скорее скрывать свои раны, нежели выставлять их напоказ. Наконец он яростно взмахнул кулаком, как бы отбрасывая прочь всякую осмотрительность, и приступил к рассказу:

– Факты таковы, мистер Холмс. Я женат – и женат уже три года. Все это время мы с женой горячо любили друг друга: счастливей супружеской пары и найти трудно. Ни в чем мы ни разу не расходились – ни в слове, ни в деле, ни в мыслях. Но вот с прошлого понедельника между нами вдруг вырос некий барьер: я понял, что в жизни моей супруги и в ее душе есть что-то такое, о чем мне ничего не известно, как ничего не известно о женщине, которая проскользнет мимо на улице. Мы стали чужими, и хотелось бы мне узнать, в чем тут причина.

Прежде чем пойти дальше, должен внушить вам, мистер Холмс, главное: Эффи меня любит. В чем в чем, а в этом пусть ни малейших сомнений у вас не будет. Она любит меня всем сердцем и всей душой, а сейчас еще больше, чем когда-либо. Я это знаю, чувствую. Незачем даже это обсуждать. Мужчина без труда определит, любит его женщина или нет. Однако между нами пролегла некая тайна, и стать прежними мы не сможем, пока она не разъяснится.

– Будьте так любезны, мистер Манро, изложите факты, – довольно нетерпеливо перебил его Холмс.

– Я сообщу вам то, что мне известно о прошлой жизни Эффи. Когда мы встретились, она была вдовой, хотя ей исполнилось-то всего двадцать пять. Звали ее тогда миссис Хеброн. Совсем молодой она уехала в Америку и жила в городе Атланте, где вышла замуж за некоего Хеброна, юриста с хорошей практикой. У них родился ребенок, но потом там вспыхнула эпидемия желтой лихорадки, которая сгубила и мужа, и ребенка. Я собственными глазами видел мужнино свидетельство о смерти. После этого Эффи в Америке сделалось тошно, она вернулась в Англию и поселилась с тетушкой, старой девой, в Пиннере, графство Миддлсекс. Стоит упомянуть, что супруг Эффи не оставил ее без средств: капитал суммой в четыре тысячи пятисот фунтов был им так удачно размещен, что приносил доход в среднем семь процентов годовых. Когда мы познакомились, Эффи прожила в Пиннере всего полгода; мы полюбили друг друга и через несколько недель заключили брак.

Сам я торгую хмелем, мой доход составляет семь или восемь сотен, так что мы неплохо обеспечены и за восемьдесят фунтов в год снимаем загородный дом в Норбери. Обстановка там совсем деревенская, хотя до города рукой подать. Поблизости от нас – гостиница и два

дома; напротив, через поле, – одинокий коттедж, и надо пройти полпути к станции, прежде чем встретишь какое-то жилье. Сезонные дела порой удерживали меня в городе, но летом свободного времени выпадало предостаточно, и тогда счастливее нас с женой было не найти. Повторю, что жили мы с Эффи душа в душу, пока не началась эта треклятая история.

И вот еще о чем я обязан вам сообщить до того, как продолжу рассказ. Едва мы поженились, Эффи перевела все свое состояние на мое имя, хотя я и возражал, понимая, какие трудности могут возникнуть, если мои дела пойдут наперекосяк. Но Эффи на этом настаивала, и я уступил. Ладно, но месяца полтора назад вдруг от нее слышу:

«Джек, когда ты взял мои деньги, то сказал: если тебе они понадобятся, хватит и одного слова».

«Конечно, – ответил я. – Все эти деньги твои».

«Хорошо, – говорит она. – Мне нужно сто фунтов».

Тут я слегка оторопел: раньше-то воображал, будто ей захочется купить новое платье или что-нибудь такое в этом роде.

«Господи, зачем тебе столько?»

«Ну, – шутливо отвечает она, – ты же обещал быть моим банкиром, а банкиры, как тебе известно, вопросов никогда не задают».

«Если тебе вправду нужны такие деньги, то, конечно же, ты их получишь».

«Да, они мне и вправду очень нужны».

«А для чего, ты так мне и не скажешь?»

«Когда-нибудь, возможно, скажу, но только не сейчас, Джек».

Пришлось мне этим ответом довольствоваться, хотя прежде никаких секретов у нас друг от друга не было. Я выписал Эффи чек и больше насчет этого не задумывался. К дальнейшему это событие, вероятно, отношения не имеет, однако я решил, что от вас ничего утаивать не надо.

Я уже упоминал, что напротив нас, через поле, стоит коттедж. Но чтобы до него добраться, нужно пройти по дороге, а потом свернуть на тропу. Прямо за коттеджем – чудесный сосновый лесок, и мне там очень нравилось гулять: в окружении деревьев всегда уютно. Коттедж последние восемь месяцев пустовал, и об этом оставалось только сожалеть: такой уютный двухэтажный домик со старомодным крыльцом и жимолостью вокруг. Я частенько задерживался возле него и думал, как славно бы кому-то там жилось.

Но вот вечером в прошлый понедельник, возвращаясь после обычной прогулки, я увидел на тропе пустой фургон, а на лужайке возле крыльца – груды ковриков и прочего скарба. Понятное дело, кто-то наконец этот коттедж арендовал. Сначала я прошел мимо, а потом от нечего делать остановился, пригляделся внимательней и задался вопросом, что за люди поселились в таком близком с нами соседстве. И вдруг заметил в окне верхнего этажа лицо, смотревшее на меня.

Не знаю, что с ним было такое, но у меня, мистер Холмс, по спине побежали мурашки. Я стоял поодаль и толком разглядеть ничего не мог, однако физиономия эта выглядела какой-то неестественной, нечеловеческой. Так мне показалось, и я поскорее шагнул вперед – разобраться, кто это за мной следит. И не успел я приблизиться, как лицо моментально исчезло – так быстро, словно наблюдателя рывком оттащили от окна. Я минут пять не двигался, стараясь разобраться в увиденном. Мужчине или женщине принадлежало это лицо – на таком расстоянии определить трудно. Больше всего меня поразил его цвет – мертвенно-желтый, точно оно застыло раз и навсегда, и было в этом что-то до ужаса ненормальное. Я так разволновался, что решил чуточку больше разузнать о новых обитателях этого коттеджа. Подошел и постучался в дверь – ее тут же открыла высокая сухопарая женщина с грубым неприветливым лицом.

«Чего вы тут потеряли?» – спросила она с северным акцентом.

«Я ваш сосед, вон оттуда, – ответил я, кивнув в сторону нашего дома. – Вижу, вы только что въехали, вот я и подумал, не могу ли чем-то помочь...»

«Ладно, если что нам понадобится, мы вас кликнем».

И женщина захлопнула дверь у меня перед носом. Обозленный столь резким отпором, я повернулся и зашагал домой. Весь вечер, сколько я ни старался думать о другом, мысли мои постоянно возвращались к фантому в окне и к соседке-грубиянке. Жене о странной персоне я решил ничего не рассказывать: она очень впечатлительна и нервозна, и мне вовсе не хотелось делиться с ней неприятным переживанием. Впрочем, перед сном я обмолвился, что у нас появились соседи, однако жена промолчала.

Обычно я сплю как сурок. У нас в семье надо мной постоянно подшучивали: мол, ночью тебя ничем не поднять, хоть из пушки стреляй. Но той ночью я по какой-то причине – то ли слегка переволновался из-за того, что со мной приключилось, то ли еще почему – спал не очень крепко. Сквозь сон мне смутно чудилось какое-то движение в комнате, и понемногу я осознал, что жена оделась, набросила на плечи накидку и надевает капор. Я приоткрыл было губы, желая или выразить недоумение, или упрекнуть ее за сборы в неурочный час, но тут, разлепив глаза, вдруг увидел при огне свечи ее лицо и, ошеломленный, онемел. Такого выражения на лице Эффи я еще не видел – и даже вообразить его не мог. Эффи, белая как мел, часто дышала и, застегивая накидку, украдкой поглядывала на кровать, чтобы убедиться, не проснулся ли я. Потом, решив, что я сплю, бесшумно выскользнула из комнаты, и я услышал резкий скрип, какой издавали только петли нашей входной двери. Я сел в постели и постучал костяшками пальцев о кроватную раму, желая увериться, что это не сон. Вытащил из-под подушки часы. Три часа утра. Какая сила на свете могла заставить мою жену выйти на сельскую дорогу в три часа утра?

Я присидел в постели минут двадцать, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение. Чем дольше думал, тем диковинней и непостижимей все это выглядело. Я все еще продолжал ломать голову, когда услышал, как дверь снова тихонько скрипнула, а жена ступила на лестницу.

«Господи, Эффи, где ты пропадала?» – воскликнул я, едва она появилась.

Стоило мне заговорить, как она вздрогнула всем телом и приглушенно вскрикнула, и это встревожило меня сильнее всего прочего: за ее испугом таилась какая-то вина. Натура у моей жены всегда была открытой и бесхитростной, и меня пробрал озноб оттого, что она тайком прокралась в нашу спальню и сжалась от страха, услышав вопрос мужа.

«Ты разве не спишь, Джек? – переспросила она с нервным смешком. – Надо же, а я думала, тебя нипочем не растолкать».

«Где ты пропадала?» – повторил я свой вопрос более строгим тоном.

«Конечно же, ты удивлен, – сказала Эффи, трясущимися пальцами расстегивая накидку. – Сама не вспомню, чтобы такое прежде на меня находило. Знаешь, я почувствовала, будто задыхаюсь, и мне страшно захотелось глотнуть свежего воздуха. Казалось, если не выйду, то упаду в обморок. Постояла немного за дверью, и сейчас мне хорошо».

Пока Эффи это говорила, она ни разу не взглянула в мою сторону, и голос у нее был словно чужой. Мне стало ясно, что правды в ее речах нет ни словечка. Я ничего не ответил, только удрученно повернулся лицом к стенке, обуреваемый ядовитыми сомнениями и подозрениями. Что скрывает от меня жена? Где она была во время этой странной вылазки? Я понимал, что не успокоюсь, пока до всего не дознаюсь, однако ничуть не желал снова ее допрашивать – после того, как она уже наплела небылиц. Всю ночь я ворочался с боку на бок, строя догадки, одна другой несообразней.

В тот день я должен был побывать в Сити, но совершенно не мог собраться с мыслями, чтобы заняться делами. Эффи тоже была явно расстроена и то и дело кидала на меня вопро- сительные взгляды: она понимала мое недоверие, но как вести себя дальше, не знала. За зав-

траком мы едва перемолвились двумя словами, а потом я сразу же отправился на прогулку – обдумать случившееся на свежем утреннем воздухе.

Я дошел до Хрустального дворца, провел в окрестностях около часа и после полудня вернулся в Норбери. Путь мой пролегал мимо коттеджа, и я замедлил шаги – посмотреть на окна, не покажется ли странное лицо, которое я видел накануне. Вообразите же мое изумление, мистер Холмс, когда дверь коттеджа открылась и оттуда вышла моя жена!

От неожиданности я онемел, но мои чувства не шли в сравнение с тем, что выразилось на лице Эффи, как только наши глаза встретились. В первый момент она вроде бы собралась юркнуть обратно, но, сообразив, что играть в прятки бессмысленно, подошла ко мне с улыбкой на губах, которая никак не вязалась с белым как мел лицом и глазами, полными страха.

«Ах, Джек, – пролепетала она. – Я просто заскочила к нашим новым соседям – спросить, не могу ли я чем-то помочь. Что ты на меня так смотришь, Джек? Ты на меня сердись?»

«Ага, вот куда, значит, ты ходила ночью».

«Как тебя понимать?» – воскликнула Эффи.

«Ты приходила сюда. Сомнений у меня нет. Кто эти люди, которых ты сочла нужным навестить в такой час?»

«Я не была здесь раньше».

«Как ты можешь заведомо мне лгать? – воскликнул я. – У тебя даже голос меняется. Я когда-нибудь утаивал от тебя хоть что-то? Сейчас войду в этот дом – и все выясню».

«Нет-нет, Джек, ради бога – нет! – почти не владея собой, выдохнула Эффи. А когда я шагнул к двери, схватила меня за рукав и судорожно оттащила назад. – Умоляю тебя, не делай этого, Джек! Клянусь, когда-нибудь я все тебе расскажу, но если ты войдешь в коттедж, это принесет только несчастье».

Я попытался оттолкнуть Эффи, но она припала ко мне с мольбой, исступленно повторяя:

«Поверь мне, Джек! Поверь хотя бы на этот раз. Тебе никогда не придется об этом сожалеть. Ты знаешь, я не стала бы ничего от тебя утаивать – только ради твоего блага. На карту поставлена вся наша жизнь. Если мы вместе пойдем домой, все будет хорошо. Если ты силой ворвешься в этот коттедж, между нами все будет кончено».

Эффи заклинала меня так страстно, и в голосе ее звучало такое отчаяние, что я в нерешительности отступил.

«Я поверю тебе при одном условии – и только при одном, – проговорил я наконец. – Отныне между нами не должно быть никаких тайн. Ты вольна хранить свой секрет, но пообещай, что всякие ночные походы прекратятся и ты шага не ступишь без моего ведома. Я готов забыть о прошлом, если ты дашь мне слово, что ничего подобного в будущем не повторится».

«Я знала, что ты мне поверишь. – Эффи облегченно вздохнула. – Все будет по-твоему. Пойдем же, пойдем скорее домой!»

По-прежнему вцепившись мне в рукав, Эффи повела меня от коттеджа. На ходу я оглянулся: из окна на верхнем этаже за нами следила та самая мертвенно-желтая физиономия. Какая связь могла быть между этим существом и моей женой? И что у нее общего с неотесанной грубиянкой, с которой я накануне столкнулся? Головоломка очень уж замысловатая, но я чувствовал, что, пока ее не решу, душа моя будет не на месте.

Следующие два дня я провел дома, и Эффи честно соблюдала наш уговор: похоже, за порог даже и не ступала. Однако на третий день я получил доказательство того, что данное ею торжественное обещание мало чего стоит и преодолеть тайную силу, уводящую ее от мужа и семейного долга, она не способна.

В тот день я поехал в город, но вернулся поездом не в 3:36, как обычно, а раньше – в 2:40. В прихожей навстречу мне бросилась служанка, явно перепуганная.

«Где хозяйка?» – спросил я у нее и услышал в ответ:

«Кажется, ушла погулять».

В голове у меня немедленно зародились подозрения. Я взбежал по лестнице – убедиться, что Эффи нет дома. Наверху, мельком глянув в окно, я увидел, что служанка, с которой я только что говорил, опрометью несется через поле к коттеджу. Разумеется, я тотчас сообразил, что к чему. Жена отправилась туда и велела служанке вызвать ее, если я вернусь. Кипя от негодования, я ринулся вниз и помчался к коттеджу, вознамерившись покончить с этой историей раз и навсегда. Краем глаза я заметил, что Эффи со служанкой спешат к нашему дому по тропе, но задерживать их не стал. В коттедже скрывалась тайна, омрачившая всю мою жизнь. Я дал себе слово: будь что будет, но я во что бы то ни стало положу этому конец. Стучать в дверь я не стал, а просто-напросто повернул ручку и ворвался в коридор.

На нижнем этаже все было тихо и мирно. На кухне со свистом закипал чайник, в корзине лежала, свернувшись клубком, большая черная кошка, но знакомой мне женщины и след простыл. Я метнулся в соседнюю комнату – и там никого. Взбежал на верхний этаж: обе комнаты пустовали. В целом доме ни единой души. Мебель и картины на стенах самые заурядные и безвкусные, за исключением той комнаты, из окна которой на меня таранилась загадочная физиономия. Тут был наведен изысканный уют, и мои подозрения разгорелись неистовым пламенем: на каминной полке стояла фотография моей жены во весь рост, снятая по моей просьбе всего три месяца назад.

Я некоторое время побыл в доме и удостоверился, что он совершенно пуст. Потом ушел с такой тяжестью на сердце, какой в жизни не испытывал. Эффи встретила меня в передней, но боль и гнев помешали мне с ней заговорить, и я поторопился мимо нее к себе в кабинет. Она, впрочем, вошла следом, прежде чем я затворился.

«Прости, что я нарушила свое обещание, Джек, – сказала она, – но если бы ты знал все обстоятельства, то не сердился бы на меня, я уверена».

«Тогда выкладывай все начистоту».

«Не могу, Джек, не могу!»

«Пока ты не расскажешь мне, кто живет в этом коттедже и кому ты подарила свою фотографию, между нами никакого доверия быть не может».

С этими словами я вырвался из рук Эффи и покинул дом. Это случилось вчера, мистер Холмс, с тех пор мы с женой не виделись, и мне об этом странном деле больше ничего не известно. Впервые между нами легла тень, и я так этим угнетен, что понятия не имею, как лучше поступить. Сегодня утром меня вдруг осенило, что именно вы можете дать мне совет, вот поэтому я к вам и поспешил – безоговорочно отдался на ваше усмотрение. Если я о чем-то неясно рассказал, прошу вас – задавайте вопросы. Но главное: поскорее посоветуйте, что мне делать, терпеть эту муку я больше не в силах.

Мы оба с величайшим интересом выслушали эту необычайную историю, которую наш гость изложил нам прерывистым, надломленным голосом, каким говорят только в крайнем волнении. Мой друг какое-то время просидел молча, подперев рукой подбородок и целиком уйдя в раздумье.

– Скажите, – произнес он наконец, – вы готовы присягнуть, что лицо, глядевшее на вас из окна, было лицом человека?

– Всякий раз я видел его издали, поэтому утверждать наверняка не могу.

– Но на вас оно, кажется, произвело неприятное впечатление.

– Цвет казался неестественным, а черты – странным образом застывшими. При моем приближении оно исчезло, словно от рывка.

– Когда именно ваша супруга попросила у вас сто фунтов?

– Примерно два месяца назад.

– Вы когда-нибудь видели фотографию ее первого мужа?

– Нет, вскоре после его смерти в Атланте случился большой пожар, и все бумаги у Эффи сгорели.

- Однако свидетельство о смерти мужа сохранилось. По вашим словам, вы его видели.
- Да, после пожара ей выдали дубликат.
- Вы хоть раз встречались с кем-то, кто знаком с вашей женой по Америке?
- Нет.
- Она когда-нибудь заговаривала о поездке туда?
- Нет.
- Приходили ей письма из Америки?
- Нет, насколько мне известно.
- Благодарю вас. Теперь мне необходимо немного поразмыслить над этим делом. Если

коттедж окончательно опустел, у нас могут возникнуть кое-какие трудности. Если же это не так (что, по моим предположениям, более вероятно), то есть жильцов предупредили о вашем приходе и вчера они успели скрыться до вашего появления, сейчас они, вероятно, уже вернулись, и тогда мы все без труда выясним. Позвольте дать вам совет: возвращайтесь в Норбери и проверьте, как выглядят окна коттеджа. Если убедитесь, что он обитаем, не врывайтесь туда, а пошлите нам с другом телеграмму. Спустя час мы к вам присоединимся – и тогда развязка не замедлит.

- А если коттедж по-прежнему пустует?

– В этом случае я приеду завтра, и мы с вами все обсудим. До свидания – и главное, не расстраивайтесь, пока для этого не найдется действительный повод.

– Боюсь, Ватсон, дело тут нехорошее, – сказал мой компаньон после того, как проводил мистера Гранта Манро до двери. – Ваше мнение?

- История малоприятная.
- Да. Попахивает шантажом – или я сильно заблуждаюсь.
- Но кто им занимается?

– Похоже, то самое существо, которое живет в единственной на весь дом уютной комнате и держит на каминной полке фотографию миссис Манро. Честное слово, Ватсон, в этой жуткой образине за окном есть нечто весьма привлекательное, и проворонить этот случай я не согласен ни за какие коврижки.

- У вас есть какая-то версия?

– Есть, но лишь предварительная. Однако меня удивит, если я промахнулся. В коттедже засел первый супруг этой дамы.

- Почему вы так думаете?

– А как иначе объяснить ее безумный переполох, когда туда захотел войти второй супруг? Факты, как мне представляется, таковы. Эта женщина вышла замуж в Америке. Ее благоверный выказывает некие невыносимые свойства характера – или, скажем, подцепляет дурную болезнь, становится прокаженным или сходит с ума. В итоге женщина убегает от него, возвращается в Англию, меняет имя и начинает жизнь, как ей мнится, заново. Второе замужество длится уже три года, и она считает себя в полной безопасности. Новому мужу она показала свидетельство о смерти человека, имя которого приняла, как вдруг на ее след нападает первый муж – или, не исключено, некая не обремененная моралью женщина, которая взялась ухаживать за инвалидом. Парочка пишет миссис Манро, угрожая явиться и ее разоблачить. Она, выпросив сто фунтов, делает попытку от них откупиться. Те, несмотря на это, приезжают, и, когда мистер Манро мимоходом упоминает о новых соседях, она догадывается, что это и есть ее преследователи. Дождидается, пока муж уснет, и бежит ночью в коттедж – уговорить, чтобы они оставили ее в покое. Ничего не добившись, она утром отправляется туда снова, а муж, по его словам, сталкивается с ней у входа. Она дает слово больше в коттедж не ходить, но спустя два дня не выдерживает: в надежде избавиться от страшного соседства повторяет попытку, прихватив с собой фотографию, которую, возможно, от нее потребовали. В разгар переговоров прибегает служанка с вестью, что хозяин вернулся. Миссис Манро, зная, что он немедля

кинется к коттеджу, спешно выводит жильцов через черный ход и, по-видимому, прячет их в сосновом лесочке, расположенном, как нам известно, поблизости. Вот почему дом оказался безлюдным. Впрочем, буду крайне удивлен, если во время сегодняшней рекогносцировки там никого не обнаружится. Как вам моя версия?

– Сплошные догадки.

– Но, по крайней мере, все данные в нее укладываются. Если появятся новые, которые ей противоречат, мы успеем ее пересмотреть. А пока делать нечего:ждем сообщения от нашего друга из Норбери.

Долго ждать нам не пришлось. Телеграмму принесли, когда мы покончили с чаепитием. В ней значилось: «В коттедже по-прежнему живут. Снова видел в окне это лицо. Жду вашего прибытия семичасовым поездом. Без вас ничего не предприму».

Мистер Манро встречал нас на платформе. Едва выйдя из вагона, при свете станционных фонарей мы увидели, что он очень бледен и дрожит от волнения.

– Они все еще там, мистер Холмс, – проговорил он, решительно взяв моего друга за рукав. – По пути на станции я заметил, что там горят лампы. Надо покончить с этим раз и навсегда.

– Какой же у вас план? – спросил Холмс, шагая по темной, обсаженной деревьями дороге.

– Я собираюсь силой ворваться в дом и собственными глазами увидеть, кто там есть. Хотел бы попросить вас быть при этом свидетелями.

– Вы твердо намерены так поступить, невзирая на предостережение вашей жены о том, что для вас же лучше не разоблачать этой тайны?

– Да, твердо намерен.

– Что ж, полагаю, вы правы. Правда, какая ни есть, лучше сомнений и неопределенности. Давайте не будем медлить. С точки зрения закона, мы принимаем на себя вину, но, я думаю, игра стоит свеч.

Вечер выдался на редкость темный, и начал сеять мелкий дождик, когда мы свернули с главной дороги на узкую, изрытую глубокими колеями тропу с живыми изгородями по обеим сторонам. Мистер Грант Манро, однако, неудержимо рвался вперед, и мы, спотыкаясь, старались от него не отставать.

– У меня в доме горит свет, – пробормотал он, указывая на слабое мерцание между деревьями. – А вот и коттедж, куда я любой ценой, но войду.

Мы свернули и оказались перед коттеджем. Желтая полоса света на темной земле указывала, что дверь притворена неплотно, а одно окно на верхнем этаже было ярко освещено. Вглядевшись, мы заметили, как за шторой движется смутное пятно.

– Это оно, то самое существо! – вскричал Грант Манро. – Видите, там кто-то есть? За мной, сейчас мы все узнаем.

Мы подошли к двери, но тут из тени внезапно появилась женщина и замерла в золотом отблеске лампы. Ее лица различить я не мог, но она протянула руки с умоляющим возгласом:

– Ради бога, Джек, не надо! У меня было предчувствие, что ты нагрянешь сегодня вечером. Выкинь из головы подозрения, дорогой! Поверь мне еще раз, и ты никогда об этом не пожалеешь.

– Я слишком долго верил тебе, Эффи, – сурово бросил мистер Манро. – Пропусти меня! Все равно не удержишь! Мы с друзьями положим этому конец.

Он отодвинул жену в сторону, мы последовали за ним. За распахнувшейся дверью нам попыталась преградить путь немолодая женщина, но он оттолкнул ее, и через секунду мы втроем взбежали вверх по лестнице. Грант Манро ворвался в залитую светом комнату, мы – по пятам за ним.

Комната была уютная, хорошо обставленная; две свечи горели на столе и две – на каминной полке. В углу, склонившись над письменным столиком, сидела, судя по всему, маленькая

девочка. Сидела она к нам спиной, но мы разглядели, что одета она в красное платье и что на ней длинные белые перчатки. Она живо обернулась, и я, пораженный, вскрикнул от ужаса. Ее лицо было странно-мертвенным, а черты – совершенно лишены какого-либо выражения. Мгновение – и загадка разрешилась. Холмс со смехом провел рукой за ухом девочки; маска слетела с ее лица – и перед нами предстала угольно-черная негрityночка, сверкая белейшими зубами: ее рассмешило наше изумление. Я тоже прыснул от хохота, присоединившись к ее веселью, и только Грант Манро застыл на месте как вкопанный, стиснув рукой горло.

– Господи! – воскликнул он. – Что все это значит?

– А я тебе объясню, – отозвалась его жена, вступив в комнату с гордым и решительным видом. – Ты вынудил меня, вопреки моей воле, открыть эту тайну, и теперь нам придется вместе искать выход. Мой муж умер в Атланте. Но ребенок остался жив.

– Твой ребенок?!

Миссис Манро достала спрятанный на груди крупный серебряный медальон:

– Ты ни разу не видел, что там внутри.

– Я думал, он не открывается.

Миссис Манро нажала на пружинку, и створка медальона отскочила. Под ней находился портрет мужчины, внешность которого, на редкость привлекательная и свидетельствующая о незаурядном уме, безошибочно указывала на его африканское происхождение.

– Это Джон Хеброн, уроженец Атланты, – продолжала миссис Манро, – и на свете не найти человека благороднее, чем он. Я отрекаюсь от нашей расы, лишь бы выйти за него замуж, и ни разу ни на миг об этом не пожалела. Увы, наше единственное дитя пошло не в меня. Это нередко случается в подобных браках, и малышка Люси даже темнее своего отца. Но будь у нее хоть какая кожа, она моя дорогая девочка, и мама ее любит без памяти! – При этих словах негрityночка подбежала к матери и прильнула к ее платью. – Я оставила ее в Америке только потому, что здоровье у нее было неважное и я боялась: перемена климата может ей повредить. Заботилась о ней преданная шотландка, которая раньше нам прислуживала. Я и мысли не допускала, чтобы отказаться от своего ребенка. Но когда жизнь свела меня с тобой, Джек, и я тебя полюбила, я побоялась тебе признаться. Да простит меня Бог, но мне страшно было тебя потерять, и я так и не набралась храбрости выложить правду. Мне пришлось выбирать между вами, и я смалодушничала – отвернулась от моей родной деточки. Целых три года держала тебя в неведении; правда, от нянюшки получала известия, что Люси вполне благополучна. Но в конце концов мной овладело неодолимое желание снова с ней увидеться. Я боролась с собой, но тщетно. Понимая всю опасность, я все-таки решилась вызвать ребенка сюда, хотя бы на несколько недель. Переслала няне сто фунтов с тем, чтобы она сняла этот коттедж под видом соседки, никак со мной не связанной. Моя осторожность зашла так далеко, что я велела не выпускать девочку из дома днем, на руки надевать перчатки, а личико прятать под маской: вдруг кто-нибудь увидит ее в окне и тогда пойдут слухи – мол, по соседству появился чернокожий ребенок. Если бы я меньше остерегалась, вышло куда бы разумней, но я сходилась с ума от страха, что ты доберешься до истины.

Именно ты первым сообщил мне о новых соседях. Надо было дожидаться утра, но от волнения я не могла заснуть – и выскользнула из дома, зная, что тебя не добудиться. Однако ты заметил, как я уходила, и с этого начались все мои беды. На другой день раскрытие тайны зависело от твоей воли, но ты благородно не стал допытываться. А еще через три дня, когда ты вломился в дом, няня с Люси едва успели убежать через черный ход. И вот сегодня тебе все известно, и я спрашиваю: что станет с нами – со мной и с моим ребенком?

Миссис Манро стиснула руки и застыла в ожидании ответа.

Лишь через долгие две минуты Грант Манро нарушил молчание, зато ответил так, что у меня до сих пор теплеет на душе при воспоминании об этом. Он подхватил девочку, поцеловал, посадил на руку и, протянув другую руку жене, повернулся к двери со словами:

– Нам спокойнее будет поговорить обо всем дома. Я не очень-то хороший человек, Эффи, но, надеюсь, все же лучше, чем тот, кем ты меня считала.

Мы с Холмсом проводили их до тропы, и там мой друг потянул меня за рукав:

– Думаю, в Лондоне от нас будет больше пользы, чем в Норбери.

О происшедшем Холмс не обмолвился ни единым словом до самого позднего часа, когда с зажженной свечой уже направлялся к себе в спальню.

– Ватсон, – проговорил он, – если вам когда-нибудь почудится, что я чересчур самонадеянно полагаюсь на свои способности или меньше усердствую в расследовании дела, нежели оно того заслуживает, будьте добры: шепните мне на ухо одно только слово: «Норбери» – и я бесконечно буду вам признателен.

Биржевой маклер

Вскоре после женитьбы я обзавелся клиентурой в Паддингтоне. Практику я купил у пожилого доктора Фаркуара: когда-то пациенты его прямо-таки осаждали, но из-за возраста и постигшей доктора болезни (сходной с пляской святого Витта) число их значительно сократилось. Клиенты не без оснований полагают, что сам врач должен быть здоров, и с недоверием относятся к квалификации медика, неспособного себя излечить. Таким образом, практика моего предшественника постепенно сужалась и, когда я ее приобрел, вместо тысячи двухсот фунтов приносила немногим более трех сотен в год. Но я уповал на свою молодость и энергию и был уверен в скором успехе.

Первые три месяца практика отнимала у меня уйму времени, и я почти не виделся с моим другом Шерлоком Холмсом. Заглянуть на Бейкер-стрит мне было недосуг, а Холмс если куда и отправлялся, то в основном по делам своей профессии. А поэтому, листая июньским утром после завтрака «Британский медицинский журнал», я был немало удивлен, когда услышал звон колокольчика, а вслед за ним – резкий и несколько скрипучий голос моего давнего компаньона.

– О, дорогой Ватсон! – воскликнул он, шагнув в комнату. – Очень рад вас видеть! Надеюсь, миссис Ватсон вполне оправилась после всех треволнений, связанных со «знаком четырех»?

– Благодарю вас, мы оба чувствуем себя отлично, – сказал я, сердечно пожимая ему руку.

– Надеюсь также, – продолжал Холмс, усаживаясь в кресло-качалку, – что медицинские заботы не совсем погасили ваш прежний интерес к нашим дедуктивным задачкам.

– Напротив, – возразил я, – как раз вчера вечером я просматривал свои старые записки и систематизировал кое-какие наши прошлые достижения.

– Полагаю, вы не считаете свою коллекцию завершенной?

– никоим образом. Очень хотелось бы пополнить ее новым опытом.

– Например, сегодня?

– Если угодно, да.

– А если понадобится ехать в Бирмингем?

– Как пожелаете.

– Что с практикой?

– Когда мой сосед уезжает, я его подменяю. И он всегда готов вернуть мне долг.

– Ага, превосходно! – Холмс откинулся в качалке и пристально взгляделся в меня из-под полуприкрытых век. – Вижу, в последнее время вам нездоровилось. Простуда летом – хуже не придумать.

– Да, на прошлой неделе я целых три дня просидел дома. Впрочем, мне казалось, что от моей простуды не осталось и следа.

– Верно, выглядите вы как нельзя лучше.

– Как же вы догадались о моей болезни?

– Дружище, вам же известен мой метод.

– Вывели логическую цепочку?

– Естественно.

– И с чего начали?

– С ваших домашних туфель.

Я взглянул на свои новые лакированные туфли.

– Но как же?... – начал было я, однако Холмс меня опередил:

– Туфли у вас новые. Носите вы их две-три недели, не дольше. А подошвы, которые вы сейчас выставили на обозрение, слегка опалены. На секунду я решил, что вы их где-то промочили, а при просушке по недосмотру пережгли. Однако возле каблучков остались круглые

ярлычки с торговой маркой. Влага бы их наверняка уничтожила. Следовательно, вы подолгу сживали, вытянув ноги поближе к огню, а кто так поступает в июне, пускай и дождливом, вроде нынешнего, будучи в полном здравии?

После объяснений Холмса, как всегда, все оказалось проще простого. Прочитав эту мысль у меня на лице, он не без горечи усмехнулся:

– Боюсь, растолкованиями я ставлю себя под удар. Конечный вывод без цепочки причин впечатляет куда сильнее. Так вы готовы отправиться в Бирмингем?

– Разумеется. А в чем там дело?

– Обо всем расскажу в поезде. Клиент ждет нас в карете. Вы уже готовы?

– Одну минуту.

Я черкнул записку соседу, взбежал вверх известить жену и догнал Холмса на пороге.

– Ваш сосед, как я вижу, врач, – заметил он, кивнув на медную табличку.

– Да, он тоже купил практику.

– Давнишнюю?

– В точности такую, как у меня. Обе существуют со времени постройки домов.

– Ага. Но ваша была успешней.

– Думаю, да. Откуда вам это известно?

– Сравните ступеньки, дружище. Ваши стертые подошвами сильнее – и потому на три дюйма ниже. Но вот и наш клиент – мистер Холл Пайкрофт. Позвольте вас ему представить. А ну-ка, кэбмен, подхлестните лошадь, иначе мы опоздаем на поезд.

Я уселся напротив хорошо сложенного, цветущего здоровьем молодого человека: его открытое простодушное лицо украшали слегка вьющиеся редкие усики с рыжинкой. На голове у него красовался блестящий цилиндр, сам он носил аккуратный черный костюм, придававший ему вид толкового молодого дельца, кем он, собственно, и являлся. Он принадлежал к разряду лондонских жителей, именуемых «кокни», которые тем не менее составляют лучшую часть волонтерских полков и оказываются в нашем отечестве несравненными атлетами и спортсменами. Его круглое румяное лицо сияло природной веселостью, однако опущенные уголки губ выдавали расстройство, показавшееся мне несколько комичным. О неприятности, которая привела его к Шерлоку Холмсу, я смог разузнать только после того, как мы устроились в вагоне первого класса и поезд двинулся в сторону Бирмингема.

– Итак, в нашем распоряжении семьдесят минут, – заговорил Холмс. – Прошу вас, мистер Холл Пайкрофт, поведать моему другу о крайне любопытном случае, с которым вы столкнулись, и не упустить ни одной подробности из тех, что мне уже известны, а если возможно, добавить и новые. Мне самому бесполезно будет еще раз проследить всю последовательность событий. Важность этого дела, Ватсон, пока неясна – пустячное оно или нет, но, так или иначе, в нем содержатся довольно необычные и *outré*¹ особенности, какие вам дороги не меньше, чем мне. А теперь я умолкаю: ваше слово, мистер Пайкрофт.

Наш юный спутник взглянул на меня, и глаза его заблестели.

– Хуже всего, – начал он, – что в этой истории я выгляжу законченным идиотом. Не исключено, конечно, что все уладится, да я и вряд ли мог поступить по-другому, но если потеряю эту зацепку и останусь с носом, то почувствую себя полнейшим олухом. Я не больно-то умею рассказывать, доктор Ватсон, только со мной произошло вот что.

Я служил в фирме «Коксон и Вудхауз», что в Дрейперз-Гарденз, однако весной, как вы наверняка помните, из-за венесуэльского займа у них возникли трудности, и в итоге они вылетели в трубу. Я прослужил там пять лет, и когда наступил крах, старина Коксон дал мне блестящую рекомендацию, но, разумеется, всех нас – двадцать семь клерков – выставили вон. Я сунулся поначалу туда-сюда, но неудачников вроде меня хоть пруд пруди, и податься было

¹ Шокирующие (*фр.*).

совсем некуда. В фирме я получал три фунта в неделю, накопил около семидесяти, но вскоре окончательно сел на мель. Дошел до последней точки – не на что было купить ни конвертов, ни марок, чтобы отвечать на объявления. Износил башмаки, обивая пороги всяких контор, а работы так и не находилось.

И вдруг узнаю о вакансии в солидной брокерской фирме «Мосон и Уильямс» на Ломбард-стрит. Смеею предположить, что Восточно-Центральный округ – не то место, на котором сосредоточены ваши интересы, но поверьте мне: это едва ли не богатейшая фирма в Лондоне. Откликнуться на объявление следовало только письменно. Я, без малейшей надежды, отправил заявление вместе с рекомендацией. Получаю ответ с предложением в ближайший понедельник, не откладывая, приступить к моим новым обязанностям – при условии соответственного внешнего вида. Одному Богу ведомо, как такое решается. Говорят, будто управляющий попросту вытаскивает из груды писем наугад первое попавшееся. Но так или иначе, на сей раз посчастливилось мне, и не помню, когда еще меня больше распирало от радости. Жалованье мне положили на фунт больше, а обязанности были примерно те же, что и у Коксона.

А теперь подхожу к самой занятой части моей истории. Я снимаю каморку в Хэмпстеде, на Поттерз-Террас, семнадцать. Так вот, сидел я и покуривал себе в тот самый вечер, когда мне обещана была должность, а моя хозяйка приносит мне визитную карточку с надписью: «Артур Пиннер, финансовый агент». Имя незнакомое, и трудно было вообразить, что ему от меня понадобилось, но, конечно, я попросил хозяйку пригласить его ко мне наверх. Вошел среднего роста чернобородый брюнет, с темными глазами и слегка крючковатым, вроде бы еврейским, носом. Двигался он порывисто и говорил короткими фразами, как человек, дорожащий временем.

«Мистер Холл Пайкрофт, не так ли?» – спросил он.

«Да, сэр», – подтвердил я и пододвинул к нему стул.

«Не так давно служили у „Коксона и Вудхауза“?»

«Совершенно верно».

«А ныне состоите в штате у Мосона?»

«Именно».

«Видите ли, мне все уши прожужжали о ваших необыкновенных деловых способностях.

Помните Паркера, бывшего управляющего у Коксона? Он вами нахвалиться не может».

Не скрою, мне было приятно такое о себе слышать. В делах я был не промах, но сроду бы не подумал, что в Сити обо мне ходят подобные слухи.

«У вас хорошая память?» – поинтересовался гость.

«Приличная», – скромно ответил я.

«Будучи без работы, вы следили за рынком ценных бумаг?»

«Да. Курсовой бюллетень просматриваю каждое утро».

«Вот что значит призвание! – воскликнул визитер. – Истинный путь к успеху! Вы не против, если я вас проэкзаменую? Э-э... Каков курс эрширских акций?»

«Сто пять – сто пять с четвертью».

«А „Нью-Зиланд Консолидейтед“?»

«Сто четыре».

«А „Бритиш Брокен Хиллз“?»

«Семь – семь и шесть».

«Отменно, отменно! – воскликнул гость, воздев руки. – Значит, все отзывы о вас – чистая правда. Дружище, да вы созданы для гораздо большего, нежели служба у Мосона!»

Его бурный восторг, понятно, несколько меня смутил.

«Наверное, не все обо мне такого мнения, как вы, мистер Пиннер, – сказал я. – Мне пришлось изрядно попотеть, чтобы заполучить это место, и я считаю себя настоящим счастличиком».

«Да ну, дружище, берите выше! Их контора совсем не для вас. Скажу вам напрямик. То, что я вам предлагаю, сушая малость, если принять во внимание ваши таланты, но по сравнению с Мосоном – как небо и земля. Пойдите, пойдите... Когда вы идете к Мосону?»

«В понедельник».

«Ха-ха! Готов держать пари, что вы туда не пойдете».

«Как так? Не пойду к Мосону?»

«А вот так, сэр. Еще до понедельника вы займете пост коммерческого директора закрытой акционерной компании „Франко-Мидлендская скобяная“. У нас сто тридцать четыре отделения по всей Франции, не считая одного в Брюсселе и одного в Сан-Ремо».

У меня даже в горле пересохло.

«Никогда о такой не слышал».

«Весьма возможно. Мы держимся в тени, поскольку капитал составлен из частных вкладов, и настолько процветаем, что не желаем допускать посторонних. Основал фирму мой брат – Гарри Пиннер, и после распределения долей он войдет в правление директором-распорядителем. Ему известно, что я тут как рыба в воде, и потому попросил меня подыскать подходящую кандидатуру, желательного недорого. Предприимчивого, напористого молодого человека, полного энергии. Паркер рассказал мне о вас, и вот я перед вами. Для начала мы можем предложить вам только мизерные пятьсот фунтов».

«Пятьсот фунтов в год?» – вскричал я.

«Это только на первых порах. Но сверх того вы будете получать комиссионные в размере одного процента с каждого контракта, заключенного нашими агентами, и – даю вам слово – эта сумма будет превышать ваше жалованье».

«Но я понятия не имею о скобяных изделиях».

«Ну-ну, дружище, зато вы прекрасно разбираетесь в цифрах».

В голове у меня загудело, и я едва не свалился со стула, но тут же мной овладели сомнения.

«Буду с вами откровенен, – сказал я. – Мосон предлагает мне две сотни, но их учреждение более чем надежно. А о вашей компании я, признаться, мало что знаю...»

«Умница, умница! – в полном восхищении воскликнул мистер Пиннер. – Вы именно тот человек, который нам нужен. Вокруг пальца вас не обведешь – и превосходно. Возьмите-ка сто фунтов и, если вы считаете, что мы с вами поладим, положите купюру себе в карман в качестве аванса».

«Сумма очень неплохая, – заметил я. – И когда я должен приступить к новой работе?»

«Будьте завтра в Бирмингеме ровно в час. Вот эту записку передайте моему брату. Вы найдете его в доме сто двадцать шесть-Б по Корпорейшн-стрит, где временно помещается контора нашей компании. Необходимо, разумеется, заручиться его согласием, но, между нами, я, со своей стороны, полагаю дело решенным».

«По правде говоря, не знаю, как вас и благодарить, мистер Пиннер».

«Бросьте, дружище, бросьте. Вы получаете только то, что заслуживаете. Еще две-три мелочи: это простая формальность, но без нее не обойтись. Вон там на столике, рядом с вами, лежит лист бумаги. Будьте добры, напишите на нем: „Подтверждаю свое безоговорочное согласие занять пост коммерческого директора закрытой акционерной компании „Франко-Мидлендская скобяная“ с начальным жалованьем в размере 500 (пятьсот) фунтов в год“».

Я записал продиктованное мне мистером Пиннером, и он сунул бумагу в карман.

«Еще один пустяк, – сказал он. – Как вы собираетесь поступить с Мосоном?»

На радостях это совершенно вылетело у меня из головы.

«Напишу, что отказываюсь от должности».

«А вот этого как раз я советую вам не делать. С управляющим Мосона я из-за вас разругался. Зашел к нему навести о вас справки, а он встал на дыбы: обвинил меня в том, что я

правдами и неправдами переманиваю вас к себе – и всякое такое. Я терпел-терпел – и под конец взорвался. Говорю ему: „Коль хотите удержать хороших работников, так платите им сполна“. А он: „Да мистеру Пайкрофту дороже наше скромное жалованье, чем ваше высокое“. – „Ставлю пять фунтов, – предложил я, – что, когда я предложу ему пост коммерческого директора, вы о нем больше ничего не услышите“. Он в ответ: „Идет! Мы, можно сказать, его из грязи вытащили, и он так просто с нами не порвет“. Это точные его слова».

«Нет, ну каков наглец! – возмутился я. – Ведь я в жизни его не видел – и с какой стати должен с ним считаться? Ни за что не стану им писать, если вы мне не советуете».

«Отлично! Вот и договорились, – произнес мистер Пиннер, поднимаясь со стула. – Ей-богу, я доволен всей душой, что нашел для брата такого замечательного сотрудника. Вот ваш аванс – сто фунтов, а вот письмо. Запишите адрес: Корпорейшн-стрит сто двадцать шесть-Б – и не забудьте явиться туда ровно в час. Спокойной ночи, и пусть удача вам сопутствует, как вы того заслуживаете!»

Вот такой, насколько мне помнится, состоялся у нас разговор. Вообразите мое ликование, доктор Ватсон: еще бы, эдакая удача мне выпала! Я не спал полночи от радости, а наутро выехал в Бирмингем поездом пораньше. По прибытии оставил вещи в гостинице на Нью-стрит и отправился по указанному адресу.

Добрался до цели за пятнадцать минут до назначенного времени, но решил, что это не так важно. Дом 126Б оказался пассажем между двумя большими магазинами, который вел к винтовой каменной лестнице – на нее выходили помещения, сдаваемые в аренду фирмам и частным предпринимателям. Названия фирм перечислялись внизу на стене, однако «Франко-Мидлендская скобяная» в списке не значилась. С упавшим сердцем я застыл на месте, гадая, не устроен ли надо мной такой изощренный розыгрыш, но тут ко мне подошел человек – очень похожий на моего вчерашнего посетителя и фигурой, и голосом, только гладковыбритый и с волосами посветлее.

«Вы мистер Холл Пайкрофт?» – осведомился он.

«Да», – подтвердил я.

«О, я вас ждал, но вы пришли чуточку раньше. Сегодня утром я получил от моего брата письмо, в котором он расхваливает вас до небес».

«Я как раз рассматривал указатель, когда вы подошли».

«Нашей вывески пока нет: мы сняли контору всего лишь неделю назад. Что ж, поднимемся наверх, там и обсудим наши дела».

Мы взобрались по очень высокой лестнице – и под самой шиферной крышей обнаружили две пустые, пыльные комнатки с голым полом и без занавесок на окнах. Я по привычке представлял себе просторную контору с рядами превосходных столов, занятых клерками, и, признаться, опешил, когда увидел, что вся меблировка состоит из двух простых стульев, столика с лежащей на нем конторской книгой и корзиной для бумаг сбоку.

«Не вешайте носа, мистер Пайкрофт, – подбодрил меня мой новый знакомый, заметив, как вытянулось мое лицо. – Рим был построен не в один день. Резервы у нас велики, но пыль в глаза мы стараемся не пускать. Прощу вас, садитесь, и покажите мне письмо».

Я протянул письмо, которое он внимательно прочитал.

«Вы явно произвели неизгладимое впечатление на моего брата Артура, – сказал шеф. – А он, я знаю, видит людей насквозь. Он приверженец всего лондонского, я же горой стою за Бирмингем, но на сей раз последую его совету. Можете считать себя нашим сотрудником – без всяких оговорок».

«А каковы мои обязанности?»

«Вскоре вы возглавите наш большой филиал в Париже, задача которого – распределить огромную партию фаянсовой посуды из Англии по нашим торговым представительствам во

Франции, а всего их сто тридцать четыре. Закупка будет осуществлена через неделю, вы же тем временем принесете нам пользу своим присутствием в Бирмингеме».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.